

Александр
КАБАКОВ

✧ Лауреат премии «Большая книга» ✧

Старик и ангел

Новый
роман

«Тут он выдернул откуда-то красную книжечку с золотым гербом. Ну вот, подумал Кузнецов, дожил. Удостоверение в секунду само сложилось и исчезло, а бомж, он же полковник, улыбнулся: — Итак, будем считать, что познакомились».

АСТ

Александр Абрамович Кабаков

Старик и ангел

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809613
Кабаков, А.А. Старик и ангел: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077726-6

Аннотация

Герой нового романа Александра Кабакова «Старик и ангел» профессор Кузнецов на восьмом десятке понимает, что жизнь прошла впустую: женился без любви, менял женщин без страсти и остался в одиночестве.

Инфаркт... но тут все и начинается. Появляется странный полковник какого-то странного ФСБ Михайлов, речь заходит о душе и Дьяволе, о счастье и власти... И не миновать бы профессору когтистых лап, если бы не ангел по имени Таня. Оказывается, что жизнь еще можно изменить!

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Кабаков

Старик и ангел

Если бы Кузнецов умер, в этом не было бы ничего удивительного. В конце концов, все умирают, а уж старые люди умирают непрестанно – только оглянулся, а уж старик какой-нибудь помер, и везут его на высокой железной телеге, взятой напрокат возле ворот кладбища, другие, пока живые старики...

Но Кузнецов не умер, вот в чем дело.

Тут-то все и началось.

Часть первая

Глава первая *Герой еще не родился, но кое- что для этого делается*

В длинном двухэтажном и двухподъездном бревенчатом бараке – по подъезду с каждого конца – самым неприятным для его жильцов явлением была сырость. Перила лестниц, ведущих на второй этаж, были осклизлыми, и пахло в подъездах догнивающим деревом. Сырость тут была и естественная, происходившая от того, что целый квартал таких барачков был выстроен на засыпанном и заболотившемся пруду, и рукотворная (точнее, конечно, не руко-), связанная с тем, что как вовсе посторонние люди и жильцы соседних барачков, так и местные обитатели постоянно мочились – чтобы не сказать ссали – в этих подъездах, пользуясь тьмою. И ведь тут же, в двух шагах, стояли дощатые дворовые сортиры!.. Однако запах гнили перекрывал даже запах мочи.

Сырость и гниение проникали в коридоры первого и второго этажей, достигали общих кухонь – по одной на этаже в противоположных подъездах торцах, так что все кухни граничили между собой по вертикали и горизонтали – и, конечно, комнат, расположенных по обе стороны коридоров. Каждая комната была метров двенадцать, а то и четырнадцать квадратных, почти по санитарной норме на одну не очень большую семью. А три больших – Звонаревы, Коганы и Зигнатулины, человек по семь-восемь, – занимали даже по две комнаты. Правда, Звонаревы в разных подъездах, что было неудобно в смысле пользования кухнями.

А сыро было всюду одинаково, и когда зимой топили печи, комнаты заполнял вонючий туман, когда же печи остывали, этот туман, прежде чем рассеяться, делался очень холодным и выпадал дополнительной сыростью. Печи были большие, тяжелые, как боровы, которых держали в сарае напротив барака куркули Юрасовы. Топить эти свиноподобные печи приходилось из коридора, а бока их выпирали в две смежные комнаты. В коридоре перед дверцами печей к полу были прибиты железные листы для предотвращения пожара и стояли ведра с мелким, полным мусора углем. Запасы угля хранились в длинном сарае, стоявшем напротив барака и представлявшем как бы уменьшенное отражение самого барака: сарай был разделен на отсеки, соответствующие барачным комнатам. В этих отсеках, каждый в своем, жильцы и держали уголь, купленный осенью на железнодорожной станции и привезенный на ломовых телегах, которые вокруг станции тогда еще водились. Вместе с углем, ссыпанным в дощатые выгородки, держали в сарае – «в сарая2х», как говорили сами владельцы – всякую мелочь. Там были, например, спинки от железных кроватей, панцирные сетки которых полностью разрушились, никому уже не нужные самовары с медалями, оставшиеся от иных времен, и прочая ерунда, а упомянутые Юрасовы еще и свиней держали.

Из сараев почему-то ничего не воровали, хотя белье, вывешенное для просушки на веревках, натянутых между этими сараями и барачком, тащили регулярно и нагло, прямо днем. Вор бежал, а за ним безуспешно гналась хозяйка, и так до самого трамвайного круга, где преступник, успевший сунуть простыни за пазуху, что ли, спокойно прыгал в уходящий, гремя и кренясь на повороте, 5-й трамвай, а ограбленная женщина садилась на землю, чтобы отдышаться и поплакать...

Что до угля, который покупали на паях хозяева соседних, одной печью отапливаемых комнат и держали в коридоре, в ведрах, то его друг у друга не воровали никогда и ни под каким видом. Не из сентиментальных соображений барачной солидарности, следует при-

знать, а потому, что пойманный был бы непременно и жестоко, при полном всеобщем одобрении, наказан.

Жизнь в бараке была вся пропитана гнилой сыростью, и все чувства людей, населявших барак, были пропитаны сыростью и неприятно отдавали гнилью, даже самые чистые.

Утром просыпались рано, потому что многим надо было ехать на работу в центр, двумя трамваями. По коридору носились, налетая друг на друга и иногда обливаясь кипятком, женщины и мужчины.

Некто с кастрюлей позавчерашнего перлового супа, перекипяченного от несвежести, – из кухни.

Навстречу тоже некто с никелированной мисочкой, полной сбритой щетины в мыльной пене.

С ночным горшком, прикрытым картонкой, дама в халате из трофейного китайского шелка и в мужниных галошах – наружу, в один из четырех двухдверных сортиров, обрамлявших сарай.

Навстречу из сортира, в байковой нижней рубашке-гейше, брюках-бриджах из синей диагонали с высоким корсажем и в обрезанных валенках на босу ногу, – хмурый мужчина, не здороваясь.

Опять из кухни некто, с эмалированным чайником, которого дожидается в комнате кобальтовый с золотом заварочный, с некомплектной белой крышкой взамен давно разбитой родной и с уже насыпанным грузинским чаем «экстра».

И наконец, худой мальчишка в толстых лыжных шароварах и майке с тонкими бретельками, молча удирающий от крысы, вылезшей из-за чьего-то стола на кухне, под привычный женский визг и при вялой, формальной реакции оказавшихся поблизости мужчин.

В это раннее утреннее время никаких проявлений чувств, кроме раздражения вплоть до ненависти, не возникало.

Поесть быстро остывающего супу.

Запить чаем кусок серого хлеба с маргарином «Бутербродным».

Натянуть шинель без погон, или довоенное, мохнатого драпа пальто с большими накладными карманами, или черную, с красным выцветшим отливом, с обитыми до белой мездры обшлагами шубку из кролика «подкотик».

И бегом на трамвай, на подножку, с постепенным просачиванием в надышанное нутро.

Какие ж тут могли быть чувства, кроме желания, чтобы все сдохли!

А чувства, в основном любовные, возникали ночью, в неуклонно остывающем к рассвету – по мере прогорания печей – воздухе. Сырой холод и непобедимый инстинкт подталкивали людей, и без того тесно спавших на полуторных кроватях или просто на тюфяках, на полу, плотнее друг к другу. Тут и начиналась любовь, негромкая в связи с наличием в комнате других членов семьи, детей и стариков, и ввиду существования за фанерно-штукатурными перегородками соседей. Полузадушенная теснотой любовь, не только без звуков, но и почти без движений, короткая и неумелая любовь.

Что ж могло от нее получиться? Тоже ничего хорошего – рахит, диатез, диспепсия, пеленки поперек всей комнаты и дополнительный кислый запах.

Кузнецовы поселились в бараке очень удачно: комната их была на втором этаже, примерно посередине коридора. Так что и от входных дверей меньше дуло, и из кухни не очень воняло. С другой стороны, Кузнецову Григорию Семеновичу по его должности и полагалась неплохая жилплощадь – после демобилизации он почти сразу вышел на работу ведущим конструктором проекта (номенклатура главка) в режимном учреждении «почтовый ящик 2013». Так что удобную комнату всего на троих – самого Григория Семеновича, его жену Елену и мать жены Веру Петровну Воскресенскую – ему дали вполне заслуженно и даже с перспективой расширения и улучшения по линии удобств. Поскольку министерство уже

строило для ценных специалистов хороший семиэтажный дом с газом и горячей водой, в котором чуть ли не половина квартир планировалась односемейных...

А пока что Кузнецовы жили втроем с Верой Петровной в сырой комнате, и все чувства их, как и чувства соседей, были отравлены гнилью и сыростью. При этом супруги, насколько было возможно, любили друг друга в дневное время – душевно, без прикосновений. И отношения между Григорием Семеновичем и его тещей оставались на удивление хорошими.

Плохо же было то, что Гриша и Лена Кузнецовы никак не могли предаться страстной, ночной части любви в полное свое удовольствие.

Чтобы предаться, им приходилось, во-первых, ждать, когда уснет Вера Петровна. А пожилая женщина, даже выпив из сочувствия к дочке и зятю брома и валериановой настойки, засыпала долго и некрепко. Вдруг просыпалась и принималась негромко стонать, а то и вовсе вытаскивала из-под своей узкой дощатой кровати, называемой ею «кушетка», горшок и присаживалась, стараясь из деликатности журчать негромко.

Потом, когда милая старушка успокаивалась, начиналась тайная, беззвучная работа: надо было стащить на пол матрац с простыней и стеганым ватно-атласным одеялом в под-одеяльнике. Потому что, останься Кузнецовы на кровати, железная ее сетка гремела бы при малейшем движении так, что не только теща, но и весь барак проснулся бы и слушал, как Григорий Семенович, ведущий конструктор, предается любви и страсти к жене. Была, во-вторых, и еще одна трудность: на полу, свободном от мебели, матрац не помещался. Супружеская полуторная кровать с шариками на гнутых спинках; плюс тещина одинарная за шторкой наследственной ширмой; плюс гардероб с тускло мерцающим в темноте зеркалом; плюс высокий резной буфет с цветными стеклышками; плюс раздвижной круглый стол под низко свешивавшейся плюшевой скатертью; плюс стулья с некогда плетеными, а теперь фанерными крашеными сиденьями; плюс узкая этажерка с техническими книгами Григория Семеновича и романами Теодора Драйзера; плюс сундук с выпуклой крышкой, всегда находившийся при Вере Петровне; плюс рогатая вешалка... В общем, совершенно не было места.

Так что матрац примерно до половины длины подсовывался под стол, и верхние части супругов, до пояса, находились во время удовлетворения половых желаний под обеденным столом обычной вышины, отделенные от нижних частей тел низко свисавшей скатертью.

Тогда многие, очень многие выполняли супружеские обязанности и осуществляли права на полу, отчего бытовали, во-первых, шутка про половые отношения и, во-вторых, частые заболевания по женской линии. Вы только представьте себе небольшую высоту обеденного стола, соседство других жильцов барака и еще более близкое соседство немолодой родственницы, сквозняк из-под двери и вообще все положение любовной пары! Движения мужчины были ограничены столом, эмоции женщины – соседством, а в результате – если Гриша еще кое-как достигал счастья, то Лена – никогда. Утром она не разговаривала с мужем и матерью, иногда – несмотря на неплохой, в общем, характер и приличное воспитание – вступала на кухне в конфликты с соседками. А днем, оставшись дома, так как ей, закончившей семилетку, порядочной работы Григорий Семенович найти не смог, да и в деньгах они не очень нуждались, тихо плакала, отвернувшись от матери и глядя в запотевшее окно поверх грязноватой, посыпанной красными блестками ваты между рамами. Ее мучили обида на жизнь и тянущая боль внизу живота. Ей казалось, что гниль и сырость от пола проникли в нее, потому и счастья нет, и низ живота тянет.

Так оно и шло.

Впрочем, у некоторых было еще хуже. Допустим, они жили не только с тещей, свекром или теткой – которую к тому же надо было прятать от участкового, поскольку у нее прописка была воронежская, – а с уже родившимся от предшествовавшей любви ребенком может, десяти, а может, и пятнадцати лет. Или с двумя. И тут уж стаскивай матрац на пол,

не стаскивай – а любви конец. Потому что подросток обязательно будет не спать, а ждать и слушать...

Но у Кузнецовых ребенка никак не получалось, хотя Григорию Семеновичу было уже тридцать один, а Лене двадцать восемь, они состояли в браке четыре года и очень хотели ребенка.

В конце концов Лена постучала в четвертую от их собственной дверь, к Коганам. За дверью Мария (Мириам-Малка) Яковлевна (Янкелевна) Коган, врач-гинеколог, в вечернее время незаконно принимала пациенток с болезнями по женским и просто попавших в житейские неприятности. А поскольку иногда из комнаты Коганов доносились крики, заглушенные косынкой, перетягивавшей рот оперируемой даме, а на кухне сохли не до конца отстиранные от розового оттенка простынки, то Мария Яковлевна поддерживала с соседями очень мирные отношения. И, в частности, соседских дам принимала без всякой очереди и – ну, кроме тех, кто сам давал из благодарности – совершенно бесплатно.

Когда Мария Яковлевна работала, все огромное семейство Коганов во главе с ее мужем Петром Романовичем (Пинхасом Рувимовичем), тоже врачом, но ухогорлоносом, отправлялось в кино возле метро, тратя на билеты едва ли не десятую часть денег, которые зарабатывала за это время труженица Мириам. «Индийскую гробницу» Коганы видели четырнадцать раз, а «Багдадского вора» и все двадцать, в том числе раза три без практической необходимости.

Мария Яковлевна внимательно осмотрела Лену, ввиду отсутствия специального кресла положившую ноги на спинки двух стульев, а туловищем уместившуюся поперек детской кровати двух младших Коганов, так что докторше пришлось стать на колени на пол...

После осмотра женщины сели за стол, на краю которого лежали зеркало и расширитель, а посередине стоял электрический никелированный чайник. От него тянулся вверх провод, заканчивающийся устройством «жулик», включенным в патрон верхней лампочки, так что расход электричества не учитывался счетчиком.

Хозяйка, несмотря на категорические протесты Лены, налила в две чашки чаю и впихнула в рот гостье волнистую плиточку трехслойного мармелада, посыпанную сахарными крупинками.

– Что я могу сказать, деточка, – сказала Мария Яковлевна, – даже не знаю, как вам сказать, только вы не расстраивайтесь и не стесняйтесь, я же врач, поэтому должна сказать... У вас загиб, вы не огорчайтесь, но что есть, то есть, и что ж я вас буду обманывать, что все в порядке, когда это не так?

Лена, конечно, тут же заплакала, потому что она, во-первых, не знала, что такое загиб, и, во-вторых, в последнее время постоянно плакала даже без всякой причины.

– Ну, что вы сразу рыдаете, когда даже не знаете зачем? – шепотом закричала Мария Яковлевна. – Что, я вам сказала, что у вас что-нибудь вообще нехорошее? Нет, не сказала. Еще никто не умер от загиба, и вы, я вас уверяю, не умрете. Знаете, что я вам скажу?

Тут она сделала паузу, дожидаясь, пока Лена вытирала лицо подолом фланелевого халатика, и продолжила совсем уже тихо, хотя и до этого шептала. При этом она перешла на «ты».

– Я тебе так скажу... эти бедные женщины, которые иногда приходят ко мне... ну, ты же знаешь... так любая поменялась бы с тобой, чтобы уже быть спокойной... тут не хочешь, а, пожалуйста, каждый год...

И Мария Яковлевна вовсе замолчала, сама расстроившись.

– А что такое загиб? – Лена говорила еще тише, чем докторша, да и голос у нее сел от слез, и можно было только догадаться, что она спросила.

Мария Яковлевна ногтем, коротко и аккуратно обрезанным, стала чертить на плюшевой скатерти, приговаривая: «Тут так... а тут так, понимаешь... и оно не проходит в тебя... поэтому не беременеешь, понятно, да?..» Лена внимательно смотрела на сразу же исчезаю-

щий рисунок на плюше и думала, что у Коганов точно такая скатерть, как та, под которой они каждую ночь задыхаются с Гришей, только та бордовая, а эта синяя...

Тут Мария Яковлевна произнесла такие слова, от которых Лена очнулась и, покраснев еще больше, хотя она и до этого была вся багровая, переспросила.

– Коленно-локтевая, – сказала Мария Яковлевна, – такое медицинское название, а простые люди говорят... ну да, раком! А что ты стесняешься, я не понимаю? Ты же взрослая женщина и хочешь родить, так что стесняться, а? Если стесняться, то детей вообще не будет... Можно с самого начала так, а можешь лежать нормально, а потом... когда Гриша уже кончит, перевернуться на живот... Так что ты молчишь и переживаешь? Что тут такого страшного я тебе говорю?

– Как Грише сказать? – прошептала Лена. – Я стесняюсь ему сказать... мы никогда не говорим там... ну, на полу... мама спит, и вообще... он строгий, ему не понравится слово... и вообще... так стоять стыдно...

Мария Яковлевна вздохнула и ничего на это не ответила. Некоторое время она молча пила чай и думала о том, как этой бедной девочке выйти из положения. Хотя Мария Яковлевна Коган была опытным гинекологом, она сама немного стеснялась давать такие рекомендации, а от слова «раком» покраснела не меньше пациентки, только под пудрой – она, как рыжеватая брюнетка, пользовалась «Красной Москвой» темного телесного цвета – было не видно.

Тут, чтобы не возникло недоумения, надо сообщить, что шел тысяча девятьсот сорок девятый год. И люди очень много стеснялись, не говоря уж о том, что боялись почти всего. В сумме же получалось, что каждое слово надо было произносить, сильно подумав. Вот, например, порекомендует врач-еврейка коленно-локтевую позу для половых сношений пациентке, страдающей загибом шейки матки, но желающей забеременеть. А пациентка возьмет да и напишет в горздрав, что врач Коган М.Я. по заданию сионистского подполья пропагандирует буржуазную половую распущенность, не говоря уж о запрещенных абортах, производимых на дому частным образом. В общем, мало того, что Мария Яковлевна и сама, если бы пришлось, не знала бы, как сказать такое Петру Романовичу, и мучилась бы от стыда, – она еще и просто боялась этой Лены...

Не в первую после этой врачебной консультации ночь, но Лена все же решилась произнести неприличное слово. Она прошептала его на ухо Григорию Семеновичу так тихо, что он ничего не расслышал и переспросил. Тогда бедная молодая женщина произнесла этот ужас почти в полный голос, отчего ее мать заворочалась, скрипя своей дощатой «кушеткой». Но Гриша уже потерял от изумления контроль над собой и тоже довольно громко принялся расспрашивать Лену, а та стала пересказывать объяснения Марии Яковлевны, и они так бубнили, что Вера Петровна встала и загремела горшком. Тут супруги Кузнецовы замерли, притихли, а вскоре, перенервничав, просто уснули на полу без всякого толку и еле проснулись перед самым рассветом, чтобы успеть переложить постель на кровать.

Однако уже на следующую ночь Григорий Семенович, осознав ситуацию в целом, проявил инициативу. Напрягая довольно крепкие, такие, которые называют жилистыми, руки, он, не без труда, помог жене принять достаточную и необходимую с медицинской точки зрения позу. Некоторое время мостился, сгорбившись, сам, наконец все получилось, и он, к собственному удивлению, испытал не испытанное никогда прежде удовольствие. Единственное, что омрачило его новое счастье, – удар затылком об изнанку стола, которая стала ближе в связи с новым способом любви. Впрочем, впоследствии Григорий Семенович был осторожней.

И вот дни нездоровья у Лены задержались на неделю, месяц – сделалось все ясно. Марии Яковлевне купили флакон ее любимой «Красной Москвы» и стали ждать.

Хорошо, что успела Мария Яковлевна со своим советом, а то ведь могла и не успеть – через недолгое время после того, как Лена забеременела, сначала куда-то девался Петр Романович Коган, не вернулся после смены из поликлиники, а вскоре и все Коганы из барака съехали.

Глава вторая

Дальнейшая биография пенсионера в воспоминаниях по ходу автобуса № 254

Прошло семьдесят с небольшим лет после этого...

Тут возникает некоторый провал во времени, откуда-то взялись лишние годы, около шести, или, наоборот, куда-то пропали те же шесть лет... Ну, мы, когда придет срок, это объясним как сможем. В соответствии с нашей склонностью к мистике и невнятности.

А пока, будем считать, прошло семьдесят с небольшим лет, и Сергей Григорьевич Кузнецов ехал в пригородном автобусе и, по обыкновению, то дремал, то думал.

Как почти все люди, передвигающиеся в общественном транспорте, Кузнецов С.Г. думал о прошлом. Только молодые люди в транспорте, заткнув уши музыкальными пробками, думают о вчерашнем – где и с кем, чего и сколько; люди среднего возраста – о том же самом, но пяти– или десятилетней давности; а старики – тоже, следует признать, о всякой чепухе, но далекой, давно прошедшей, поскольку ничего вчерашнего они не помнят, а пять или даже десять лет назад их жизнь была точно такой же, как сегодня, потому что последние годы промелькнули очень быстро.

Сергей Григорьевич Кузнецов был именно стариком, ему шел, как говорится, восьмой десяток. Сам он не любил это выражение – «пошел восьмой десяток», ему слышалась в этом какая-то фальшивая бодрость, в то время как восьмой десяток никакой бодростью не сопровождается, и нечего дурачиться.

Быть семидесяти-с-лишним-летним стариком, доложу я вам, господа, – это совсем невеселое занятие. В основном оно состоит в болезнях и безрезультатном, но очень дорогом лечении.

Но в остающееся от болезней и лечения время делают и некоторые другие дела, в принципе ничем не отличающиеся от тех, какими занимался Сергей Григорьевич всю жизнь. То есть он и раньше сидел за письменным столом, подперев скулу ладонью, будто собирался сделать портрет в провинциальной фотографии, смотрел прямо перед собой и прикидывал, как бы покороче – длинно писать не хотелось – изложить на бумаге то, о чем он в данную минуту думает. Вернее, не на бумаге, поскольку Сергей Григорьевич Кузнецов был продвинутым (и даже знал это слово) стариком и в последние двадцать лет писал на компьютере.

Вообще-то он имел степень доктора технических наук и звание профессора, около тысячи опубликованных статей в научных журналах, включая иностранные по всему миру, и одиннадцать книг (две в соавторстве), из которых одна была утверждена министерством как основной учебник для технических вузов. Это был учебник сопротивления материалов.

И теперь, уже через десять лет после того, как торжественно, в актовом зале, вручая цветы, которые он всегда не любил, и ненужные нелепые подарки, коллектив поздравил его с достижением пенсионного возраста, он все еще числился профессором все того же института, который теперь по-дурацки назывался университетом. И не только числился, но и читал три лекции в неделю – в понедельник две и в четверг одну, всегда участвовал в заседаниях кафедры и ежегодно публиковал одну, а то и две статьи в академическом сборнике.

Из вышеизложенного следует, что коллеги профессора Кузнецова отличались гуманностью и способностью к состраданию, а потому не поперли его немедленно после шестидесяти взашей, чтобы тут же освободить и в мгновение ока занять – ну, займет самый резвый, это жизнь – профессорскую ставку. Возможно, такая мягкость нравов объяснялась тем, что никому уже не была нужна профессорская ставка, сделавшаяся в эти годы вполне нищен-

ской. А те самые резвые, которые в прежние времена за профессорство на части друг друга порвали бы, теперь покинули родину, одновременно открывшую границы и разлюбившую профессоров, – и они ее разлюбили, любовь бывает только взаимной, а прочее все не более, чем романтические фантазии. Впрочем, некоторые и не пересекая границ хорошо устроились в этой, но уже другой стране, где профессура почти перевелась, зато пошли в рост, как грибы в сырое лето, нефтяные трейдеры, девелоперы по части элитного строительства, ритейлеры и держатели блокирующего пакета акций. Навыки научного, аналитического, логического мышления очень пригодились в ходе залоговых аукционов.

А пришедшие все же в науку профессора из новых были неприлично молоды. Настолько молоды, что один из них в теплое время приходил на заседания кафедры в шортах с большими карманами и смущал преподавательский состав голыми, тонкими и очень волосатыми ногами. При этом, следует отдать должное, был серьезным ученым, членом нескольких иностранных академий и почетным профессором Кембриджа. Походил бы он в своем Кембридже без штанов!..

В общем, Сергея Григорьевича Кузнецова никто не тронул – впрочем, вполне возможно, не только потому, что никому он не мешал, но и из реального сочувствия, симпатии к невинному старику. Нельзя исключить и привычное почтение к опыту, стажу и вкладу в науку о материалах и их сопротивлении.

Вот и сейчас, так как был понедельник, профессор Кузнецов ехал в автобусе из города в ближний пригород, где располагался его знаменитый институт, чтобы прочитать две лекции по сопромату – для двух потоков второго курса. А по четвергам он читал основы теории упругости для третьего курса, на котором набрался только один поток.

В институте, который Кузнецов решительно отказывался называть университетом, Сергей Григорьевич провел почти всю свою уже довольно долгую жизнь. Ну, конечно, за исключением того ее предварительного скрытого периода, который потому и описан в первой главе, что сам герой описать бы его не смог. И еще, пожалуй, за исключением раннего детства в том же бараке, но детство это, с крысиным страшным писком в коридоре, со смрадно дымящими печами, в одном-единственном, перешиваемом и надставляемом, лыжном костюме и всегда разваливающихся ботинках, сам профессор вспоминать не любил. Да оно и прошло быстро – когда ему было шесть лет и он собирался пойти осенью в школу, все изменилось: во время купания в реке, протекавшей позади барачных метрах в двухстах, утонул его отец, Григорий Семенович Кузнецов, ведущий конструктор проекта, работавший на предприятии «почтовый ящик 2013». Пошел окунуться жарким июльским воскресеньем, когда на берегу народу полно и услышат все, если закричать «спасите!», да и плавал он хорошо, и речка в этом месте мелкая... Но утонул, исчез, а к вечеру, когда хватились, то и одежды на берегу не нашли, а в кармане летних брюк были паспорт и деньги, почти вся зарплата, в пятницу выдали. Видно, украли одежду...

Приходили из милиции несколько человек, потом еще какой-то человек в светлом костюме из сурового полотна пришел и долго с Еленой Кузнецовой, уже вдовою Кузнецова Г.С., беседовал, а Серегу послали гулять. Он было пристроился подслушивать в коридоре у двери, но получил поджопник от кого-то из проходивших соседей – «не лезь во взрослые дела»...

А через полтора года, когда Сергей уже закончил первый класс, мать его Елена вышла замуж за Николая Ивановича Сенина, который тоже работал на предприятии п/я 2013 и при жизни Григория Кузнецова очень с ним дружил. Теперь он, старый холостяк сорока лет, женился на Елене Кузнецовой, и люди его одобрили – взял за себя семью друга. Все вместе, но уже без бабушки, поселились как раз в том доме для специалистов, квартиры в котором не дождался Григорий Семенович, а тут дом в конце концов сдали к Седьмому ноября и выде-

лили в нем двухкомнатную тов. Сенину Н.И. с семьей, учитывая также факт многолетней работы покойного мужа Елены Сениной тов. Кузнецова Г.С. на предприятии.

Так что Сергею можно было бы жить в свое удовольствие в отдельной комнате, а в другой, с балконом, жили мать и Сенин, который разрешил называть его дядей Колей и только при чужих – папой.

Однако несколько происшествий привели к тому, что детство Сергея Кузнецова кончилось бесповоротно. Во-первых, Сенин дал ему свою фамилию «Сенин», под которой – скажем, забежав вперед, – Сергей и дожил до восемнадцати лет. При этом Сергей продолжал дома называть отчима дядей Колей, а при посторонних людях старался не называть никак. Во-вторых, Елена месяца примерно через два после того, как вышла замуж за Николая Сенина, заметно растолстела, а еще через три месяца родила Сергею братика Игоря. Братик ночи напролет жалобно плакал на руках то матери, то отца, ходивших по диагонали своей большой комнаты, слегка потрясывая Игоря и иногда, задремав на ходу, натываясь на стол или стул. На полу валялись скомканные до утренней стирки вымазанные желто-зеленым пеленки, а по всей квартире ужасно пахло. Кончилось это тем, что однажды Елена застала Сергея стоящим у кровати Игоря с молотком в руке. Игорь как раз заснул, а Сергей смотрел на спящего брата задумчиво и сжимал рукоятку молотка так крепко, что мать едва вырвала у него этот опасный инструмент. В-третьих, буквально через неделю после вышеописанного ужасного случая – о котором мужу Елена, разумеется, не сказала – весь класс Сергея повели в районную поликлинику на флюорографию, обнаружившую у него порядочные затемнения в обоих легких. Сергею Сенину, 8 лет (полных), немедленно дали направление в лесную школу для больных туберкулезом и ослабленных детей. Вечером Лена с мужем решали, отправлять ли Сережку туда, где если у него сейчас, может, и нет туберкулеза, то он обязательно заразится. Было много аргументов за и против, против был Сенин, а мать Сергея была решительно за. И когда другого ничего не оставалось, она совсем понизила голос и рассказала про молоток.

Все время семейного совета Сергей, по давней дурной привычке, подслушивал, только теперь, вычитав в какой-то книге про этот прием, прислонился к стене из сухой штукатурки не просто ухом, а тайно взятым на кухне стаканом, так что слышал все до последнего слова. А потом, когда мать заговорила совсем еле слышно, он просто догадался, о чем речь. Он решил войти к ним и сказать, что он сам хочет в лесную школу, но тут Сенин произнес одно слово, от которого Сергей буквально вздрогнул, так что даже стакан чуть не выронил.

«Сбежал, – сказал Сенин, – Гришка сбежал, и у этого характер... скрытный, весь в него... он из этой школы даст деру – не найдем...»

Происходило это обсуждение вечером, так что вскоре прервалось и все легли спать – ну, если не спать, то лежа думать, вставать и пить воду из чайника, перепеленывать Игоря, шептаться, смотреть в окно, где светился совет насчет сберегательных касс...

Сергей для своих лет был довольно сведущим в проблемах и коллизиях взрослой жизни – барак даром не прошел – и потому без труда понял, о чем сказал Сенин. Во всяком случае, понял, что отец его, Григорий Семенович Кузнецов, не утонул в реке, где воробью по колено, а сбежал от них с матерью. В бараке Сергей часто слышал в разговорах взрослых, особенно женщин, такие слова, как «бросил», «ушел к шалаве», «в семье не живет», и, как ему казалось, понимал их смысл. Например, глава семьи Юрасовых, которые свиней в сарае держали, – старый дядька лет сорока, а то и больше, с бритой наголо головой в шрамах и толстым деревянным поленом вместо левой ноги до колена, зимой ходивший в полушубке поверх нижней грязной рубахи, а летом в той же рубахе, выпущенной поверх штанов, – три года назад ушел к шалаве.

Этому предшествовали его странные и даже страшные действия.

Однажды вечером старый Юрасов пришел пьяный, что было совершенно обычно и происходило ежевечерне. Но на этот раз он пришел не один, а с незнакомым дядькой тоже в полушубке. Оба, немного покачиваясь и оступаясь, сразу прошли к сараю, где Юрасов с трудом, отставив деревяшку в сторону, встал на колени и поцеловал свиней в морды, а потом поднялся и пошел в дом. От сараёв же немедленно раздался страшный визг на весь двор, а спустя десять минут дядька уже вышел со двора и исчез неизвестно куда, как и полагается убийце. В самом по себе убийстве свиней не было ничего особенного, их убивали каждый год и заводили новых поросят, а свинину продавали на рынке. Предварительно мясо разделявали на общей кухне, куда в этот день Зигнатулины и Коганы не заходили, а потом, ночью, младшие Зигнатулины мыли всю кухню горячей водой с едко пахнущим хозяйственным мылом. Но на этот раз все было ненормально и страшно: и то, что Юрасов стоял в навозе на коленях, целуя свиные морды, и незнакомый мужик, и неправильное время убийства, и то, что мясо не начали тут же разделявать топором и большими ножами. Юрасов же, громче обычного стуча деревяшкой, вошел в свою комнату, откуда немедленно раздался крик еще более отчаянный, чем перед этим от сараёв. Через пять минут Юрасов вышел, держа в руке небольшой солдатский мешок, с которым когда-то пришел с войны, и пошел к дверям, ведущим из коридора во двор. Жена его, Надька Юрасова, сильнее растрепанная, чем всегда, и в одной рубахе на голое желтоватое тело, бежала следом и кричала не понять чего. Юрасов, не отвечая, вышел во двор, доковылял до угла барака, оттуда громко сказал «я еще пожить хочу!», как будто его убивали, и скрылся навсегда. А Надька распродала на рынке свинину, сохраненную в том же сарае на больших кусках льда в соломе, устроилась на работу в вохру института, который стоял за кирпичным забором, отделявшим его от парка, и стала одна кормить двоих младших, а старшего, Вовку, отдала в ремесленное. В бараке все женщины говорили, что Юрасов, подлюга, ушел к шалаве, а мужчины не говорили ничего, только сильнее хмурились.

Вспоминая этот уход к шалаве и визжавших свиней, Сергей отвлекся от слов Сенина насчет отца, но потом, проснувшись среди ночи, вспомнил их и уже не спал до утра, смотрел в окно, за которым все больше расплзался над погасшей надписью про сберкассы и соседним, таким же семиэтажным, домом розовато-серый рассвет. Он никак не мог понять, ушел ли отец к шалаве или просто в семье не живет.

Утром, допивая какао с бежевыми морщинистыми пенками молока, он сказал, что хочет в лесную школу. На удивленный вопрос Сенина «зачем?!» ответил, что хочет вылечиться от туберкулеза, потому что от туберкулеза можно умереть, и что в лесной школе, он слышал от ребят, хорошо и даже есть кружок фотографии, в котором можно получить на время узкоплечную «Смену» и фотографировать что захочешь, а увеличитель тоже казенный.

И через два дня отчим сам отвез Сергея в лесную школу, ехали на электричке и автобусе.

С тех пор Сергей дома не жил.

В лесной школе он сначала действительно очень увлекался фотографией, но потом учитель физики и математических предметов Дмитрий Миронович заметил, что у Сергея Сенина большие способности к этим наукам, и стал с ним заниматься отдельно, после уроков, так что Сергею стало не до фотографии, да и интерес к ней ослабел. А вот решать задачи по алгебре, геометрии с тригонометрией и физике он очень полюбил, курс средней школы по всем этим дисциплинам прошел к седьмому классу и сосредоточился на русском языке и литературе, по которым еле вытягивал тройки ввиду абсолютного безразличия к тому и другому. Он никак не мог понять, почему надо писать слова совершенно по-иному, чем они звучат, и какой интерес в обычных и рифмованных рассказах о жизни никогда не существовавших людей, об охоте, балах – он не мог представить, что это такое – и всюду пролезавшей

любви. Смысл ее был ему не ясен и никак не связывался ни с уходом Юрасова к шалаве, ни с отношениями между матерью и Сениным и рождением брата Игоря, ни с тем, о чем мальчишки говорили после отбоя и чем занимались под одеялами и в туалете. Все эти вполне бытовые вещи Сергей принимал, как и прочие бытовые вещи – как суп из капусты и тощие биточки в столовой в сочетании с большими кусками положенного больным детям сливочного масла, как до этого жизнь в бараке и утренние очереди перед дворовыми сортирами... Это были неприятные, даже противные, но неизбежные части существования. Девочек он недолюбливал, чувствуя в них как раз большой интерес ко всей этой суете, которую они называли «глупостями», когда жаловались на обжимания мальчишек воспитательнице Зое Павловне. Про воспитательницу мальчишки во дворе нараспев читали стишок «Зоя, Зоя, кому давала стоя...», за что, после доносов девочек, подвергались самым суровым наказаниям...

В общем, все это было Сергею Сенину не только неинтересно, но, прямо скажем, отвратительно и напоминало о визге убиваемых юрасовских свиней. То ли дело квадратные и более высоких степеней уравнения и проекции геометрических тел на плоскость, то ли дело векторы сил или хотя бы законы сложения колебаний разной частоты – красиво, чисто, спокойно. И не имеет никакого отношения к редко и плохо мытым туалетам, к стихам про Зою, к Сенину, который сейчас, вероятно, спит с матерью, закинув руку за голову и открыв волосы под мышками.

Дмитрий Миронович удачно похлопотал, и Сергея – к этому времени на его рентгеновских снимках уже не было никаких затемнений – после седьмого класса взяли в специальную школу при том самом знаменитом институте, где студенты были все математические гении, а преподавали сплошь академики. Институт этот располагался в том же ближнем пригороде, где в бараке прошло детство Сергея, там же было общежитие, в котором жили студенты, школьники и даже некоторые преподаватели, там поселили и Сергея Сенина. За три месяца он получил в этой школе аттестат – даже с четверками по русскому и литературе, преподаватели там по всем предметам были выдающиеся, умели натаскивать, если нужно, – и стал студентом.

Он уже несколько лет был круглым сиротой.

Обычно мать и Сенин приезжали к нему в лесную школу раз в неделю, но однажды, когда Сергей был в пятом классе, Сенин приехал один и сказал, что мать приболела. На следующей неделе не приехал никто, а Сенин позвонил по телефону директору, попросил в качестве исключения позвать ученика Сенина Сергея и сказал, что мать в больнице... Потом приехал через месяц, сказал, что мать еще в больнице и хочет видеть Сергея. Его отпустили из школы на два дня. Он стоял у материнской кровати и с удивлением смотрел на худую как скелет старую женщину с желтой кожей, редкими, разбросанными по подушке волосами и обтянутым костяным лбом. Мать молча держала его за руку, а Сенин сидел рядом с матерью на краю кровати и тоже молчал.

После смерти матери Сенин приезжал сначала раз в месяц, потом все реже и со все более сильным запахом водки, а потом перестал приезжать вовсе. Сергея отпустили из школы одного – парень уже перешел в шестой класс, и он за полдня добрался до дому. Дверь в квартиру была открыта, Сенин лежал на диване вниз лицом и спал, хотя была середина рабочего дня, а на кухне, пол которой был почти сплошь уставлен пустыми бутылками, толстая девушка в сатиновом рабочем халате кормила Игоря картошкой, пожаренной с колбасой, – внимательно смотрела, как мальчик ест. Она спросила: «Ты Сергей?» – и предложила: «Картошку будешь?» Сергей отрицательно покачал головой и молча вышел, захлопнув за собой входную дверь...

Через полгода Николай Иванович Сенин в пьяном виде замерз ночью у своего подъезда.

Словом, к тому времени, как Сергея Сенина, пятнадцати лет, приняли в знаменитый институт, родственников у него, кроме брата Игоря, неизвестно где находящегося с толстой девушкой и неизвестно, живого ли, не было. Брат Игорь считался пропавшим без вести – все родственники Сергея если не умирали вдруг, то пропадали без вести.

Как-то так получилось, что из Сенинской квартиры Сергея выписали. Он ведь был несовершеннолетним и в ней не жил...

А жил Сергей в общежитии на стипендию, которую платили всем студентам того института. Стипендия эта была вдвое больше обычной студенческой стипендии того времени, а за общежитие он вообще ничего не платил, как сирота. Так что Сергей ни в чем не нуждался. Товарищей, с которыми обычно все выпивают в студенческие годы, у него не было. В преферанс и даже в шахматы он не играл. И спортом занимался одиноким – бегом на длинные дистанции. Словом, был абсолютно отдельным ото всех и всего, кроме сопротивления материалов и более общих дисциплин этой же группы вроде теории упругости и теории пластичности.

Не то что он специально сторонился товарищей – скорей они не особенно им интересовались. Среди студентов самого, вероятно, прославленного, хотя и секретного в те годы института было много ребят из семей ученых, причем ученых крупных, не в первом, как правило, поколении. Их способности и воспитание проявлялись не только в учебное время, но и в свободное, которого у Сергея просто не было – в свободное время он читал учебники и монографии и сдавал по две сессии, а то и по три за время одной. А они читали модные романы в популярных литературных журналах, сами сочиняли и пели песни под гитару, знали наизусть много стихов, в том числе и запрещенных, слушали по ночам иностранное радио, а утром рассказывали анекдоты. Сергей им был не только неинтересен, но и несимпатичен. Они будто чувствовали исходивший от него особый запах, запах барака, не выветрившийся с детства, хотя Сергей принимал душ два раза в день и никогда не рушился, как многие из них, спяну в постель, не почистив зубы, – поскольку не бывал никогда пьян.

Да ведь и лет с барачных времен прошло сколько! И в квартире приличной он жил, и в лесной школе – правда, тоже несколько барачного духа...

Но прозвище заглазное у него было Гегемон, и он об этом знал и нисколько не расстраивался. Честно говоря, несмотря на успешно сданные экзамены по мировоззренческим предметам – истории КПСС, политэкономии капитализма и социализма, марксистско-ленинской философии, он не особенно отчетливо представлял себе, что такое гегемон.

К восемнадцати годам, вместо обычных двадцати двух, он с красным дипломом – даже ненавидимый английский одолел! – окончил институт, был оставлен в должности ассистента на обожаемой кафедре сопротивления материалов, а в качестве одинокого преподавателя – в той же комнате общежития, только к нему перестали подселать соседей. Можно было предположить, что лет максимум через пятнадцать появится по крайней мере членкор по отделению технических или физико-математических наук Сергей Сенин, вернее, Сергей Кузнецов – как раз, преодолев все формальности, вернул он в это время себе фамилию по родному отцу, чем сильно удивил коллег...

Но тут с ним произошло нечто необъяснимое.

Или объяснимое – если вспомнить неясный намек на провал времени в его биографии, на каковой провал мы уже обращали внимание и обещали его растолковать. Не то он родился на шесть лет раньше, чем было зафиксировано соответствующим свидетельством и нашим рассказом, не то многие описываемые нами в настоящем времени события на самом деле произойдут в будущем... Второй вариант даже более вероятен, поскольку тут некоторые вещи случатся совершенно фантастические, и обстоятельства их будут нереальными – в будущем же все может состояться...

Впрочем, позже.

А сейчас о странностях ранней Кузнецова Сергея молодости.

Глава третья

Как будто подменили

Сергей Кузнецов почти потерял любовь ко всему, что любил прежде, и полюбил то, что было вовсе безразлично. Будто с возвращением родовой фамилии стал он другим человеком.

Начнем с того, что он полюбил художественную литературу, ходил на почту за журналами «Новый мир» и «Юность» и брал в библиотеке книги из отделов, о существовании которых раньше не знал. Обладая удивительной памятью и быстрой сообразительностью, вскоре едва ли не наизусть запомнил много прозы от Толстого до Паустовского, просто наизусть – стихи Лермонтова и Блока, стал разбираться и в текущих литературных событиях. Естественно, следил за творчеством своего однофамильца Анатолия Кузнецова, а также Гладиллина, Аксенова, Амлинского и других вольнодумцев современной литературы, не говоря уж о поэтах Евтушенко, Рождественском, Вознесенском, Ахмадулиной, а также сочинителях песен Окуджаве и Визборе.

Соответственно перераспределились его силы и время. Все меньше он сидел дома, в комнате общежития, все равнодушной работал над диссертацией, посвященной созданию современной, предполагающей использование электронно-вычислительной машины М-20, методики расчета рамных конструкций, подвергающихся динамическим нагрузкам... Между прочим, в этой теме были заинтересованы военные, и, конечно, закончи Кузнецов диссертацию, как тут же ему дали бы защититься без всякой очереди, и молодой кандидат технических (или даже физико-математических) наук получил бы приглашение на должность начальника сектора, а то и отдела в соответствующее конструкторское бюро. А это значило: триста пятьдесят (а то и четыреста двадцать), включая надбавку за степень, плюс премии, плюс близкая перспектива докторской и должности заместителя главного конструктора годам к тридцати восьми – сорока. Все складывалось, да еще и биография – сирота... И при этом непьющий... Ну, понятное дело, квартира по нормам на должную составиться к тому времени семью (любая красавица и умница из числа коллег в полном распоряжении) плюс двадцать квадратных льготных метров за степень. Своим чередом Государственная, а то и Ленинская премия в группе (без публикации в открытой печати, естественно) «за важнейшую оборонно-техническую разработку». Автомобиль «Москвич-403», а то и «Волга» ГАЗ-21, в зависимости даже не от заработков, их хватило бы и на две машины, а от наличия в профкоме и от собственного тщеславия.

И так далее.

Но ничего этого не произошло.

Переродившийся Серега Кузнецов влился в тот большой отряд веселых бездельников – можно было бы сказать, плейбоев, если бы не отечественная склонность к духовному и душевному, – каких было в те времена не меньше трети в любом НИИ, КБ и техническом вузе.

Итак, диссертация писалась медленно и вяло, ассистентская должность на кафедре стала уже не совсем приличной, и, из уважения к прежде проявленным способностям, ему дали старшего преподавателя – без степени эта должность была бы пожизненной, точнее, до пенсии. Научный руководитель уже почти махнул на него рукой... Однако, продолжая понемногу, одновременно все больше предаваясь гуманитарным увлечениям, писать диссертацию, Кузнецов к двадцати восьми годам все же защитился, после чего стал молодым доцентом. И с удвоенным, утроенным энтузиазмом принялся все свободное от преподавания время отдавать разного рода культурно-массовой деятельности.

Прежде всего, конечно, это был КВН. Будучи старше и, как это ни странно при еще недавно свойственном ему складе ума, остроумнее товарищей по институтской команде, он

сразу занял в ней видное положение. А видное положение в команде КВН тогда не только вызывало интерес девушек и почтительную зависть товарищей, но и, это может показаться удивительным, снисходительную доброжелательность начальства. Хорошая команда КВН ценилась этими еще сравнительно молодыми начальниками как составляющая институтского престижа, на всесоюзных совещаниях ректоров командами хвастались в кулуарах и всерьез обсуждали роль Саши Маслякова и даже Светланы Жильцовой в ходе кавээнковского чемпионата. Носившийся в воздухе того времени легкий ветерок вольнодумства сильнее всего веял вокруг КВН, а вольнодумство было в моде, в том числе и среди тех, кто должен был его удерживать в рамках разумного. Они сами ходили на поэтические вечера в Политехнический – благо, что билеты приносили в приемные, так что толкаться не приходилось. Многие были постоянными посетителями джазовых концертов и фестивалей, расплодившихся по всей стране, а один главный конструктор, циркулировали такие слухи, сам собирал джазовые американские пластинки и играл на альт-саксофоне в ходе сугубо закрытых джем-сейшенов. И коллекция пластинок при его-то возможностях у него, говорили, была колоссальная, просто колоссальная, чуваки, просто колоссальная...

И все это крутилось вокруг КВНа.

Ночами, запершись в комитете комсомола, кавээнщики придумывали шутки, репетировали экспромты, сыгрывались и спевались с музыкальным сопровождением – институтским джазовым комбо, проигрывали варианты конкурсов и оттачивали домашнее задание. Литературно одаренные писали рифмованные речовки, имевшие артистические наклонности учили тексты и осваивали мизансцены.

Комитет комсомола тут появился в воспоминаниях не случайно – естественно, комсомол курировал всю эту деятельность, в которой допускались и элементы сатиры, так что курировать ее надо было в оба глаза. Второй глаз, более серьезный, но по-доброму прищуренный, принадлежал уже парткому, мимо которого такое в сущности идеологическое дело пройти никак не могло.

А в результате Сергей Кузнецов, сделавшись заметным членом знаменитой команды КВН знаменитого подмосковного Механико-математического института, великого МЭМА-ИНа, стал своим человеком и в комитете комсомола, и, как единственный в команде преподаватель, взрослый человек, с которого можно спросить, и в парткоме стал своим. Мог среди учебного дня, в окне между семинарами, просто так зайти, потрепаться о кавээнских делах, анекдот рассказать и в ответ выслушать тоже такой, не для любых ушей предназначенный, и даже поспорить о футболе, хотя, честно говоря, футболом совершенно не интересовался, но приходилось быть в курсе.

Правда, к этому времени его отношение к спорту и действительно изменилось: из безразличного к результатам, но упорного бегуна на длинную дистанцию – как в известной переводной книге английского писателя Алана Силлитоу и демонстрировавшемся по кинолекториям фильме – Сергей превратился в заядлого баскетболиста, как все современные молодые люди. Рост приличный, сто восемьдесят два, позволял, а играл он резко, заметно, так что нехватку техники перекрывал напором.

Ну и КВН, конечно.

В общем, завиднейший молодой мужчина, все при нем – кандидат, остроумный, баскетболист, даже петь под гитару про кожаные куртки, брошенные в угол, научился, а заодно и гитару освоил до необходимой степени. Талантливый, веселый, симпатичный – настоящий молодой ученый, только кино про такого снимать: ну, кругом приборы, а у него сложные отношения с невестой друга, и они с другом понемногу выпивают, но говорят не о том, и так все понятно...

Да, совсем забыли: в этом некогда пресном, не имевшем никаких слабостей человеке слабости появились вполне общепринятые. Во-первых, стал он в своей компании – кавээн-

щиков, баскетболистов, музыкантов и поэтов с приличным математическим образованием, комсомольских активистов и других хороших ребят – понемногу выпивать. Иногда портвейн обыкновенный, недорогой. Иногда водочка, если было, чем закусить в гостях у кого-нибудь из женатых. А то и коньячок три звезды, «полковничий», или даже болгарский «сухарь» в длинных бутылках – как-нибудь на ходу, на скамеечке в парке... Словом, стал нормальным человеком в этом смысле. И не так, как в кино, по глотку, а усиживали по бутылке на брата, усиживали и больше. Когда деньги, конечно, были, а они в основном были – по крайней мере на бутылку.

В некотором смысле Сергей даже обогнал других веселых ребят – то есть насчет женщин.

И сильно обогнал.

Однажды, например, некая девушка, секретарь комсомольской организации аспирантов, лежала спиной на длинном столе в комнате комитета комсомола, сбросив на пол недорисованные ватманы стенгазеты, а он стоял между ее ног, а ноги эти упирались в дверь комитета комсомола, а в дверь уже кто-то толкался, потому что забыли запереться изнутри... А в другой раз и уже с другой девушкой они поехали в выходные на природу. Ехали в только что купленном за шестнадцать тысяч – шесть получил по линии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а десять назанимал – его красном маленьком «запорожце», легкомысленной машинке. Ехали-ехали, да и остановились прямо на дороге. И прямо на дороге эта девушка... Между прочим, тоже кандидат наук, да еще и начальник институтского вычислительного центра, где в четырех комнатах помещалась та самая машина М-20, для работы на которой выстраивалась очередь людей с колодами перфокарт в руках, и каждая перфокарта, если посмотреть ее на свет – как делали некоторые виртуозы, умевшие таким образом определять ошибку в набивке карты, – становилась похожа на длинный многоквартирный дом вечером, в котором некоторые окна освещены, а другие – нет, такие дома уже быстро строились по окраинам города, и в одном таком доме, в чужой квартире, Сергей однажды лежал на широченной тахте даже с двумя девушками из институтской команды фехтовальщиц... Впрочем, сейчас не о том, а о начальнике вычислительного центра, сумевшей в, прямо скажем, очень тесной машине «Запорожец» ЗАЗ-966 поместиться между рулем, педалями и Сергеем. Вполне поместилась, только дышала с трудом, но это не от тесноты. И прямо посреди пыльной, жаркой и, к счастью, пустой все эти десять минут дороги...

Словом, как видите, это уже был совершенно другой Сергей Кузнецов, непонятным образом возникший в теле – правда, существенно увеличившемся – мальчика Сергея.

Но еле... Еле-еле... Еле-еле ощутимый... Еле-еле ощутимый запах барака витал над ним, он это точно знал и не забывал никогда. Запах невозможно было перебить ни одеколоном «В полет», ни даже польским лосьоном после бритья – ничем. И когда время от времени наплывал этот запах, Сергей оглядывался, потому что ему казалось, что кто-то произнес за спиной «гегемон».

Значение этого слова он, конечно, давно знал.

Тут как-то вдруг Сергей Кузнецов женился.

Жена – звали ее Олей – не принадлежала к числу его многочисленных девушек и вообще была не из тех девушек, которые могли принадлежать к его компании, поскольку жила с родителями в частном доме на краю пригородного поселка, где находился институт. Таких частных домов, без газа и с водой из общей колонки, в поселке оставалось уже немного. Их владельцев и жильцов понемногу переселяли в многоквартирные, четырехэтажные, двух чередовавшихся вдоль улицы цветов – буро-красного и буро-желтого. Оставшихся в частных домах называли «местными», а уже переселенных – «институтскими», хотя и те и другие были местные уроженцы, работавшие в институте на незначительных технических должностях. А приезжие – в основном уже упомянутые академики – жили в спря-

таных между деревьями огромного лесопарка коттеджах на четыре или две семьи. Обитателей коттеджей так и называли, «академиками». Ну и рядом с главным корпусом института стояли три шестиэтажных серых дома без балконов и со странно маленькими окнами – общежития. Все, кто наполнял эти тюремно-казарменного вида строения, независимо от их истинного научного и социального положения, назывались «студентами». Вот в «студентах» ходил и молодой доцент Кузнецов, а знакомых среди «местных» у него почти не было, как и у большинства людей его круга.

С Ольгой он познакомился, когда комитет комсомола направил ее в его распоряжение для помощи в каком-то трудоемком общественно важном деле – кажется, в подготовке актового зала для очередной встречи факультетских команд КВН. На вид Оля была вполне ничего, крупная шатенка с зеленоватыми глазами и выраженными формами, которые тогда были в моде после сравнительно недавнего триумфа фильма «Колдунья». Эти качества перевесили даже довольно сильный запах барака, который Сергей всегда чутко улавливал, а потому с носителями его почти никогда не общался. Оля была, безусловно, самый настоящий «гегемон». Она и работала лаборанткой на какой-то из не самых важных кафедр. Однако, увлеченный мощными бедрами и немаленькой грудью, отчетливо видными под – неожиданно для «местной» – довольно модным платьем джерси – ну точно Марина Влади! – Сергей все же пригласил ее, когда закончили развешивание юмористических лозунгов и призывов, к себе, в общежитскую комнату. Комендантша на гостей одинокого преподавательского состава вообще смотрела снисходительно, а у Сергея еще были с нею и собственные добрые отношения.

Оля в комнату идти отказалась, чего можно было вообще-то и ожидать от «местной». И на том все должно было бы кончиться, Сергей никогда особенно не настаивал, скорее сам бывал объектом активности. Однако тут на него что-то нашло – он скромнейшим образом испросил разрешения и пошел провожать девушку домой.

Дом ее, в сущности, был деревенской избой с глухим забором. Когда подошли к калитке, Оля неожиданно предложила зайти, выпить чаю. Не понимая, что и зачем он делает, Сергей вежливо поблагодарил и согласился, даже не спросив, дома ли ее родители. На него нашло какое-то оцепенение, откуда-то возникла идиотская мысль «уйти неловко».

Родители, конечно, были дома; отец с очень некрасивым, грубым лицом и неожиданно художественной, голубоватой густой сединой был в старой вязаной кофте, вытянутых тренировочных брюках из шерстяного трикотажа и меховых тапках. По такому своему виду он казался скорее «академиком», чем «местным», но выяснилось, что работает в институте мастером по ремонту электроизмерительных приборов. Руку пожал сильно, но не улыбнулся и снова погрузился в чтение «Советского спорта». Мать, похожая на отца, как будто родная сестра, с таким же грубым лицом и такой же буйной сединой, тоже в вязаной кофте и лыжных штанах, повела себя более любезно – быстро сервировала чай со многими сортами домашнего варенья, конечно, и с одним особенным, из роз, приторным и одновременно горьковатым. Внизу вперевалку передвигались одинаково белые и одинаково толстые низенькие собаки, представленные как «болонки, но здешние».

Сели пить чай, тут отец на минуту оживился. «А? – спросил он, когда Сергей попробовал варенье из роз, и, не дожидаясь ответа, констатировал: – То-то и оно!» За чаем Сергей сидел лицом к удивительно обширным и битком набитым книгами полкам. Там он заметил две полных дореволюционных энциклопедии, Брокгауз-Эфрон и Гранат. Такого – обе вместе – он не видел ни у кого из настоящих «академиков», у которых изредка бывал дома по делам – не торопясь и не поступаясь ни единой гулянкой или институтским вечером, он ведь все же писал докторскую...

Словом, через три месяца Сергей Кузнецов женился на Ольге Шаповаловой, поставил во дворе частного дома свой «запорожец» и занял своей одеждой примерно половину шкафа

в комнате жены, сильно потеснив ее немногие платья. Книги его на самодельных стеллажах поместить не удалось, зато удалось купить три чешские прекрасные застекленные полки, которые втиснули в комнату молодых. Комната эта и прежде принадлежала Оле, но в ней не было двери, проем был занавешен гэдээровским гобеленом с озером и оленем. Теперь тесть Георгий Алексеевич за полвоскресенья сколотил из обрезков досок и кусков ДСП вполне приличную дверь, поставил петли и навесил на них свое изделие, обеспечив таким образом изолированную жизнь новой семье. И даже замок в дверь врезал...

Но на ночь дверь приходилось оставлять открытой, потому что собаки, обнаружив непривычную преграду, начинали скулить. И молодожены вели себя тихо, как по отечественной традиции ведут себя все любовные пары, даже живущие в отдельных квартирах. Народный обычай беззвучной барачной любви...

Понемногу Сергей многое узнал и понял про свою новую семью. Иногда ему казалось, что он попал в старинный роман из тех, которые, при всей своей поздно обретенной страсти к чтению, не любил. Прямо какие-то тайны рождения, родовые проклятия и тому подобная чушь, которой в журнале «Юность» совершенно не было места...

Но он быстро отвлекался от этих мыслей и, на ходу кивнув тестю, поблагодарив тещу Варвару Артемьевну за ужин и поцеловав жену – в нос, ему так нравилось, потому что не обязывало ни к чему, – убегал до поздней ночи на какую-нибудь репетицию капустника в Дом ученых, где стал уже, естественно, членом совета... Если не сидел над статьей для институтского сборника или над очередной главой диссертации – тогда в доме устанавливалась мертвая тишина, тесть газетой не шуршал, а теща прекращала всякую кухонную деятельность, отложив ее на утро.

А с девушками все продолжалось, будто ничего и не поменялось.

...Сергей Григорьевич Кузнецов на этом месте воспоминаний задремал, а проснулся от того, что рядом с ним уселся новый пассажир – прежде место у прохода было свободно.

Глава четвертая

Вот что бывает в пригородных автобусах и какие от этого наступают последствия

Сосед на вид был так же немолод, как Кузнецов, и нечисто, по-стариковски, брит, так что островки седой щетины, заметной против света, оставались на щеках и морщинистой шее, вдоль которой протянулись длинные вожжи вислой кожи. Когда он сел, на Сергея Григорьевича сильно повеяло запахом редко мытого и, вероятно, во всех складках опрелого тела. Этим запахом нечистоплотные старики как бы предупреждают окружающих, что скоро будут пахнуть совсем невыносимо, и тогда их, с большими хлопотами, придется зарывать в землю или сжигать – мол, готовьтесь к расходам.

Но на вид сосед был вполне симпатичный, с мягкими, смазанными чертами лица, и даже багровый рыхлый нос – впрочем небольшой, хотя и повисший – не разрушал эту гармонию. Милый такой старичок, а что грязный, так пойдите ж вы в таком возрасте поухаживайте за собой, изогнитесь так, чтобы везде достать мылом и мочалкой, не говоря уж о стрижке ногтей на ногах, вообще акробатическом фокусе, старым людям почти недоступном. От этого ногти на ногах загибаются, врастают в пальцы, под ними скапливается грязь и начинается воспаление... А одежда! Ну-ка, постирайте трусы, и носки, и майки, и кальсоны, и рубахи так часто, чтобы они по сгибам не были бурыми и не пропитывались запахом тела и выделений! Стиралка сломалась и потекла, ремонт стоит дороже, чем новая, склониться до тазика, установленного в ванне, не удастся, а от стирки в раковине она забивается, и вода не сходит...

Сам Сергей Григорьевич прилагал огромные усилия, чтобы противостоять всем этим отвратительным приметам одинокой – да хоть бы и не одинокой, об этих проблемах позже – старости. Тратил на это много сил, пыхтел, втягивал живот, чтобы все, подлежащее санитарной обработке, разглядеть, смазывался недорогим индийским кремом, препятствующим тресканию кожи, и в заключение щедро прыскался отечественной туалетной водой для мужчин, ничуть не уступающей всяким французским, только дешевле раз в пять.

Так ведь Сергей Григорьевич был, ни мало ни много, действующий профессор, и к своей сравнительно приличной пенсии прикладывал какую-никакую зарплату, и постоянно выходил на люди – так что и необходимости, и возможности были у него не рядовые стариковские.

А старик, с кряхтением опустившийся рядом, судя по безнадежно изношенной форменной теплой куртке с надписью на спине «Облэнергострой» и теплой бейсболке с эмблемой футбольного клуба «Строитель», был отставной работяга, какой-нибудь монтажник или даже сварщик, удаленный от дел начальством в связи с немощью и большой конкуренцией со стороны приезжих.

Сев, старый строитель еще поерзал, удобней вмещаясь в кресло, и, конечно, немедленно заговорил с соседом – видно же, что тоже пенсионер, хотя одет богато. Едва открыл попутчик профессора Кузнецова рот, как к земляному запаху грязи добавился запах сырого мяса, какой бывает от плохого алкоголя, болтающегося в больном желудке. Но деваться было некуда, и Сергей Григорьевич слегка повернул голову, вежливо приблизив ухо к зловонному рту.

Первые же слова, которые он услышал, его насмерть напугали, поскольку он решил, что на фоне неожиданного спазма сосудов головного мозга у него начались психические явления типа галлюцинаций.

– Простите, что, не будучи представлен, – сказал бомжеобразный попутчик с любезной интонацией персонажа старой пьесы, – начинаю разговор. Но обстоятельства вынуждают, Сергей Григорьевич. Через двадцать минут будем на конечной остановке, вы отправитесь читать лекцию по вашему любимому сопромату, а я пойду в свою любимую чебуречную, где сто граммов дурной водки стоят всего пятьдесят рублей...

– Извините, не понимаю, о чем вы, какие обстоятельства, – Кузнецов заворочался в тесноте, с трудом доставая из кармана дубленки коробочку, где должен быть капотен от давления, – и ваша речь...

– А вы, уважаемый профессор, не придавайте значения внешнему, – перебил старый оборванец, – и даже не совсем внешнему, – тут он милейшим образом улыбнулся и, открыв рот с тремя разрозненными зубами, заслонил выдох ладонью с черными ногтями. – И о давлении не беспокойтесь, нормальное у вас давление для ваших лет, сто сорок на восемьдесят пять, позавчера в академической поликлинике измеряли... Последнее, от чего хочу предостеречь: как всякий мало-мальски культурный человек, вы сейчас вспомните удивительно популярный роман писателя Булгакова. «О, как я угадал!..» Да? Так вот: поверьте, я не Королев и никого и ничего из этого прекрасного, но, на мой вкус, легкомысленного сочинения в действительной жизни и нашей истории не появлялось и не появится. А хоть бы и появилось... Что, запрещено, что ли? Я же... ну, может, слышали такое выражение, если хотя бы раз смотрели американский полицейский фильм... нет?.. в общем, это называется «работаю под прикрытием», играю роль... Согласитесь, роль удобная: никакого интереса и опасения господин вроде меня вызвать не может. Только держался бы на обонятельно безопасном расстоянии, да? Словом, вот...

Тут он выдернул откуда-то из куртки красную продолговатую книжечку с золотым гербом, в которой любой, даже молодой и не сильно пуганый гражданин нашей страны, сразу распознает Удостоверение, именно так, с большой буквы. Вот уж почти двадцать пять лет прошло, а все вздрагиваем... Бомж удостоверение на миг распахнул, Сергей Григорьевич успел прочесть «полковник» и «ФСБ». Так и есть, подумал Кузнецов, дожил. Удостоверение в секунду само сложилось и исчезло, а полковник улыбнулся вполне нормальной, любезной улыбкой приличного человека.

– Если не запомнили, представлюсь устно: Петр Иванович Михайлов, – назвался он. – Возможно также обращение Петр или даже Петя – мы ведь, если не ошибаюсь, ровесники. И меня тоже сослуживцы, прямо скажем, пожалели, не турнули в отставку, хотя давно пора. Вот и служим мы, ну, скажем так, Родине, каждый, как еще может, да, Сергей Григорьевич?

Кузнецов молча пожал плечами. В голове стоял звон, болел затылок. Мало ли, что вчера было нормальное давление... Черт возьми, откуда он это знает? Следят, что ли?!.. В таком состоянии только лекцию читать, студенты сразу заметят и устроят свинский шум...

Автобус тем временем уж подкатил к конечной, затормозил, слегка оттопырив в сторону тяжелый зад, двери зашипели...

Главный учебный корпус и перед ним памятник головастому и носатому основателю института стояли через площадь, ее предстояло перейти, а голова кружилась, и надо было взять себя в руки, сосредоточиться... Однако первое, что заметил Сергей Григорьевич на этот раз, выйдя из автобуса, была никогда им прежде не замечавшаяся фанерная забегаловка с крупной надписью «Чебуречная» над дверью. Заведение было как бы пристроено к стеклянно-пластиковому навесу остановки и сводило на нет всю его современность и аккуратность.

– Итак, будем считать, что познакомились, – сказал все невыносимей благоухающий полковник Михайлов. – И до следующей встречи, Сергей Григорьевич, тогда и поговорим конкретно о нашем деле. А сейчас вы полкрупинки нитроглицерина рассосите, рисковать-то не надо. Ну, кланяюсь...

Преодолев площадь и придя на кафедру – до лекции оставалось еще минут двадцать, – Сергей Григорьевич без всякого стеснения прилег на старый кожаный диван, скинув с него какие-то папки. Коллеги немедленно засуетились, начали вызывать скорую, но он категорически эту несколько наигранную суету прекратил, твердо сказав, что полежит спокойно четверть часа и пойдет на лекцию. Принял все же полтаблетки капотена...

И крепко заснул. Лекцию вместо него прочесть было некому, и ее просто отменили. Студенты с грохотом и воплями обрушились по лестнице к выходу, а он спал.

Конечно, полноценным сном назвать это нельзя было, Кузнецов находился в как бы легком забытии, но все слышал – и как шумели в коридоре студенты; и как приглушенно, будто уже при покойнике, разговаривали преподаватели; и как завкафедрой велел кому-нибудь из них, кто на машине, отвезти старика (то есть меня, понял Кузнецов) домой, а уж оттуда вызвать скорую и подождать, пока врач решит, госпитализировать или так пусть полежит. Когда же дед (опять я, подумал Кузнецов) очнется, сообщить, что ему оформляют академический отпуск на семестр, чтобы отдохнул и ни о чем не волновался, а насчет денег он, завкафедрой, с проректором договорится...

Неплохой оказался парень этот завкафедрой, хотя взялся неизвестно откуда пять лет назад, докторскую его найти не удавалось никакими силами ни в одной библиотеке, и лекционной нагрузки у него почти не было, а те лекции, что читал, легко определялись даже студентами как пересказ популярного учебника... Звали его Руслан Эдуардович.

А Сергей Григорьевич все лежал на холодном кожаном диване в помещении кафедры и дремал.

Потом брел по коридорам института, поддерживаемый двумя ассистентами, раздвигавшими студенческое месиво.

Потом ехал, полулежа на заднем сиденье чьей-то машины и слегка сползая с этого скользкого сиденья на ухабах.

Потом лежал в своей постели одетый, а ассистент – кажется, по имени Максим – стоял у двери и оттуда осматривал кабинет, книги, кипы старых ежегодников.

Потом вошли мужчина и женщина в одинаковых толстых синих куртках и штанах, с двумя металлическими ящичками в руках. Сергею Григорьевичу помогли раздеться, что его очень смутило, померили давление, потом долго возились с холодными и все время отклеивающимися от заросшей седым волосом груди кружочками кардиографа, потом сделали неприятный, горячий укол в вену... Наконец все успокоились, ассистент Максим исчез, сказав что-то об оплате отпуска, а двое в синих куртках помогли Кузнецову опять одеться, найти всякие мелочи вроде зубной щетки, сложить их в пластиковый пакет и сойти к их кургузому бело-красному автобусу, в котором пришлось ехать, лежа на носилках, – другого места для него не оказалось...

И все это время он не то чтобы спал, но дремал, иногда и совсем выключаясь.

И видел длинный сон про себя.

Сон этот удивительнейшим образом начался точно с того места, до которого успел он вспомнить свою биографию сегодня утром, по дороге в институт.

Глава пятая

Сон больного

Примерно через два года семейной жизни Сергея и Ольги Кузнецовых жизнь эта стала однообразной настолько, что можно было подумать, будто они женаты по крайней мере лет десять.

Сергей Ольгу не то чтобы любил – его отношения к женщинам вообще никак нельзя было описать этим словом, – но испытывал к ней сильную, ровную и, если можно так выразиться, безотказную страсть. Это значило, что как только они оставались в закрытом помещении – в своей комнате родительского дома Шаповаловых; в фанерном домике институтского пансионата на Азовском море, где они проводили по крайней мере месяц из длинного преподавательского отпуска Сергея; в купе дорогого вагона СВ, билеты в который, при жестком осуждении мотовства со стороны Георгия Алексеевича и Варвары Артемьевны, потому и брались, что купе было двухместное; или даже в большой темной комнате, в которой их оставлял ночевать после долгой гулянки приятель, живший на другом конце области, причем в этой же комнате спала на полу еще одна пара, – Сергей немедленно и без всякой подготовки удовлетворял свое желание. Он придавал Ольге более или менее удобную в этих обстоятельствах позу и через минуту-две однообразных и очень энергичных движений достигал желаемого, успокаивался, а еще через минуту крепко засыпал – поскольку очень часто бывал в это время не вполне трезв. Единственное ограничение, которому он привык подчиняться, – соблюдение тишины в любой момент ввиду абсолютной звукопроводимости всех стен, которые окружали их жизнь, а то и присутствия в помещении посторонних. Так что он почти беззвучно хрипел, будто во сне, вот и все, а Ольга и вовсе не издавала ни звука, только если приложить ухо к ее груди можно было иногда услышать тонкий писк, будто где-то далеко плакал потерявшийся щенок. Но Сергей никогда уха к груди Ольги не прикладывал, ему это было совершенно ни к чему.

Словом, любовь их все еще существовала как бы в бараке, обнаруживая связь поколений.

Так происходило каждую ночь, иногда и два раза за ночь, поначалу и три, и даже не обязательно ночью – если обстоятельства благоприятно складывались днем.

При таком абсолютном забвении каких-либо мер предупреждения беременности ребенка у них не получалось. Сергей, конечно, не знал историю своего рождения, не то обязательно подумал бы, что и тут есть некая таинственная закономерность – при своем суровом математическом образовании он был отчасти склонен к мистическим объяснениям жизни. Но у молодых Кузнецовых ребенка не получалось решительно, и никакие советы бедной Марии Яковлевны Коган, давно истлевшей на поселении под Карагандой, не помогли бы. Потому что и без этих советов новое поколение Кузнецовых принимало любые, самые невообразимые позы, в том числе, конечно, и ту, благоприятную для зачатия, даже не придавая значения ее простонародному неблагозвучному названию, – а ребенок не получался.

Страдали от этого только старики, особенно Георгий Алексеевич.

Главная тайна и гордость этого семейства состояла в том, что Шаповаловы были из дворян. Никаких чувств, узнавши это, Сергей не испытал, но понял, что это знание – серьезная часть мира, в который он попал. И при любом повороте в эту сторону любого разговора делал почтительное лицо. Дворяне Шаповаловы были настоящие. Отец Георгия Алексеевича рано дослужился до статского генерала по почтовому ведомству, в революцию быстро от голода помер. А сам Георгий Алексеевич еще мальчишкой понял, что о дворянстве надо забыть раз и навсегда, никуда не лезть, жить тихо и незаметно – тогда, может, не истребят. Учиться дальше, чем на мастера-электрика, даже не пытался, от вступления в партию как-

то удачно уклонялся. Всю войну прошел в ремонтной мастерской бригады тяжелой артиллерии, а после войны как устроился в только что организованный институт, так с тех пор и никуда. Портрет его висел, конечно, на доске почета, и на этой фотографии дворянство явно проступало и в чертах, и в выражении лица, но кто же разглядывает фотографии на досках почета... А первый отдел режимного института дворянство тов. Шаповалова не то чтобы просмотрел, а значения ему, видимо, не придал: у государства теперь были другие главные враги – евреи, например, прежде заслуженно считавшиеся этого революционного государства опорой, а теперь сделавшиеся сионистами...

Что до Варвары Артемьевны, в девичестве Гарт, то она была и вовсе поповская дочка. Отец ее, как положено младшему в большой мелкопоместной семье давно обрусевших немцев, пошел в священники. Был рукоположен некстати в начале четырнадцатого, неожиданно – уже творилось во всех сферах жизни один Бог знает что – получил приличный приход в ближней слободе... Но тут загремела Германская война, и попа с немецкой фамилией добрые прихожане несколько раз собирались бить, однако до поры до времени обошлось – пока все не рухнуло окончательно, и покатилося, и разлетелось... Отца Артемия застрелили на паперти, куда он вышел благословлять буйную молодую толпу, надеясь усмирить ее, перекрестя, – но уж конечно, застрелили не за то, что из немчуры, а как попа, наемника помещиков и буржуев. При этом семейство его небольшое – вдову и троих девочек-погодков – почему-то не тронули, возможно, бабы не разрешили: матушка была единственная на всю слободу и при этом первоклассная акушерка. Старших девочек сыпняк прибрал, а Варя выжила, и уже в восемнадцать – как-то просочившись в медицинский техникум – приняла от матери всю брюхатую клиентуру. В священнический дом после второй войны и пришел в зятя Георгий Алексеевич, в доме тогда еще немного изменилось – только иконы, обернутые рогожей, были прибраны подальше, в подпол. Дом понемногу подновили, провели свет, воду, завели привозной газ в баллонах... И жили себе, пока не продолжил традицию приймаков Сергей. Времена были новые, но Шаповаловы привычно всего опасались – при этом гордились всем, включая уцелевшие из поповской библиотеки энциклопедии, и ненавидели все, из-за чего гордиться приходилось тайком. Сергею – и то не в первый год – под большим секретом рассказали про шаповаловско-гартовское происхождение. И про деда-генерала, не только вынужденно, но и специально уморившего себя голодом, покончившего таким образом с собой из отвращения к новому подлому порядку. И про позорную страницу из жизни священнической вдовы, Ольгиной бабки, а Варвары Артемьевны матери, сошедшейся и зарегистрировавшейся – от страха, чтобы из дому с девчонкой не выставили и чтобы без хлеба не пухнуть, – через полгода после убийства законного мужа с каким-то уполномоченным по фамилии Мирский. Так что, может, поэтому-то дом и не отобрали. Мирского, ездившего по губернии с инспекциями насчет зерна, мужики вскоре благополучно сожгли в сарае ночью, но бывшая матушка осталась Мирской, никто ее не трогал, сделав вид, что забыли поповское прошлое повивалки. А после, когда пришел к ней в зятя фронтовик Шаповалов, и вовсе стали они обычной советской семьей, простыми советскими людьми.

Про все это рассказывалось вечерами, тихо, с мелкими подробностями и с непролившимися слезами застарелого злопамятства в глазах. Сергей скучал, Ольга сидела с непроницаемым лицом, можно было обнаружить в этом выражении и некоторую неприязнь, и обиду, но Сергей не присматривался, так что на кого обида и к кому неприязнь – оставалось неизвестным. Вообще Ольга, неразговорчивая от природы и по воспитанию, сделалась постепенно почти безъязыкая.

А старики страдали от того, что Шаповаловы и Гарты не продлятся во внуке или хотя бы внучке. И никакие профессиональные советы матери Ольге не помогали. Она уже поступила в институт и понемногу дошла до третьего курса самого девичьего факультета – вычислительной математики. При этом она не ушла и из лаборанток, получала какую-никакую

зарплату, так что Сергей честно половину своего доцентского немалого заработка отдавал теще на хозяйство, а оставшееся спокойно прогуливал. Разве что на день рождения покупал жене какое-нибудь колечко, пользуясь знакомством с продавщицей из ювелирного отдела, да на Восьмое марта добывал духи «Клима» – пользуясь знакомством с другой продавщицей, из галантереи.

Так и шло, и шло, и шло.

И все бегал он в Дом ученых, не в КВН уже, конечно, да и отошел КВН, а просто посидеть в ресторане или буфете с приятными людьми из коллег, такими же тридцатипятилетними балбесами при ученых степенях и званиях. Рассказывали анекдоты, обсуждали последние новости – кому ВАК утвердил степень, кому отложили, кто к кому пошел в оппоненты... К середине вечера появлялись дамы – веселые и легкие в общении аспирантки, самыми быстрыми путями двигавшиеся в науку. Ехали к кому-нибудь из холостых всей компанией или двумя парами...

Натурально, Сергей советскую власть не любил, как не любили ее все его приятели и вообще все, кого он знал, – кроме разного рода парторгов и прочих активистов, с которыми общался вынужденно и сухо, да случайных каких-нибудь и не имевших в его жизни никакого значения людей. Например, партийных ветеранов из выездной комиссии райкома, разрешивших ему поездку в Болгарию, в Дом отдыха ученых, причем вместе с Ольгой. Никакой благодарности к этим полоумным старикам он не испытывал – еще бы они его не пустили, тоже, между прочим, активиста. На нем, между прочим, весь Дом ученых держится, в прошлом месяце самого Окуджаву привез с концертом, а в позапрошлом – молодого писателя Аксенова...

То, что сам он был активистом, не мешало ему активистов презирать и в партию не вступать ни под каким видом, ссылаясь на свою непреодолимую тягу к женскому полу, в связи с которой он опасается запятнать звание женатого коммуниста аморальной какой-нибудь историей. И его признания в парткоме выслушивали с пониманием, поскольку великий ученый, возглавлявший институт, сам был большим ходяком, почему и практиковалась в партийной организации научного заповедника моральная терпимость.

Через партком же – ну и, конечно, профком – купил он и свой первый автомобиль «Запорожец», и заменил его через два года вполне солидным уже «Москвичом-403». А потом даже и шикарной «Волгой» ГАЗ-24...

И в перспективе светила доценту Кузнецову квартира в институтском доме, поскольку он с женой проживал в частном секторе, на площади тестя и тещи, – однокомнатная, конечно, как бездетным, но квартира, ведомственная, без всяких там кооперативных неподъемных взносов. Допустим, такая же однокомнатная, но кооперативная стоила бы (если, конечно, попадешь в кооператив, прождав года четыре в очереди) тысячи три. А получал Сергей Григорьевич в месяц около трехсот пятидесяти – это десять зарплат надо было бы отдать за квартиру, которую можно и так получить, – ну, тоже со временем, конечно, лет через восемьдесят.

И при всех этих бесплатных или почти бесплатных, очередных или внеочередных, основных или побочных благах, полученных от советской власти, Сергей ее терпеть не мог. Вот в Болгарии, например, купили на все разрешенные для обмена триста, по сто пятьдесят на человека, Ольге местную дубленку, а Сергею джинсы, не американские, конечно, но по лицензии *Super Rifle*. Однако же из всего этого вывод Сергей сделал единственный: даже болгары лучше нашего живут.

Как и все его знакомые, постоянно и почти в любой обстановке рассказывающие анти-советские анекдоты, Сергей считал себя диссидентом. Ну, конечно, не настоящим, которые подписывают какие-то письма и дают интервью радио «Свобода», но инакомыслящим. Инако – по отношению к кому? И мыслящим – что? Эти вопросы ему в голову не прихо-

дили. Ему вообще мало что приходило в голову, кроме некоторых новых методик расчета на прочность, статическую и динамическую, рамных конструкций, методик, которые тут же становились секретными и приносили пользу делу обороны и нападения той самой советской власти, которую он терпеть не мог. Да еще приходило ему в голову, кого из знаменитых авторов и исполнителей самодетельной песни или модных поэтов и прозаиков пригласить на очередной вечер в Дом ученых. За триста – а фонды для такой оплаты по линии культуры в профкоме были – приезжал кто угодно. И Сергей с его товарищами и коллегами восторженно аплодировали смелым песням и безоглядным стихам, от которых советская власть тряслась и фундамент ее давал трещины...

Вы скажете, что Сергей, будучи кандидатом наук и доцентом, был совершенным дикарем и просто темным остолопом и друзья его были такими же, во что верится с трудом – сливки же технической интеллигенции! А скажите, вы работали в 1961 году, и в 1965, и даже в 1968, и в 1973... в общем, не важно, – вы работали в закрытом научно-исследовательском институте? Или в режимном конструкторском бюро? Или, наконец, преподавали на факультете, который готовил работников этих НИИ и КБ? И знаете, что таких, как Сергей, там не было? А-а, не работали и не преподавали! А Сергей Григорьевич Кузнецов работал и, главным образом, преподавал, а в своих воспоминаниях был к себе беспощаден, потому что давно уж стал другим человеком и вспоминал все, как оно было на самом деле.

Тем более что вспоминал во сне, а во сне трудно не то что соврать, но даже преувеличить – там все, как в жизни, только очевидней.

Да. И, словом, как уже было сказано, жизнь шла, и шла, и шла...

И вся эта жизнь, со всеми мелкими бытовыми подробностями, теперь снилась Сергею Григорьевичу.

Снилась, пока он лежа ехал в микроавтобусе скорой помощи,

пока сидел на неудобном стуле в холодном приемном отделении больницы, продолжая дремать и отвечая на долгие вопросы медсестры, заполняющей первую страницу истории болезни,

пока клевал носом в лаборатории, где ему перетянули руку жгутом, воткнули иглу шприца в вену и вытащили несколько пробирок темной крови,

пока укладывался на высокую, хитро устроенную из стальных стержней и пружин больничную кровать и накрывался до пояса простыней,

и пока не проснулся от слов:

«Больной, больной, вы как себя чувствуете, или дежурного врача позвать?»

Он открыл глаза.

Рядом с его кроватью стояла медсестра сразу удивившей его внешности: как бы специально придуманная полная противоположность его жене Ольге в том возрасте, в каком он ее помнил, хотя давно уж возраст не тот.

Например, у Ольги нос прямой и крупный, а у этой курносый и маленький.

У Ольги глаза светло-зеленые и продолговатые, что давало ему повод в хорошие времена сравнивать их с виноградинами, а у медсестры глаза были круглые, коричнево-вишневого оттенка, что тоже подсказало бы ему какое-нибудь сравнение, если бы он уже был вполне в порядке.

И так далее.

Вообще, медсестра Кузнецову очень понравилась, в то время как жена Ольга в его жизни уже давно играла исключительно раздражающую роль.

Медсестра же смотрела на больного Кузнецова с испугом, с каким смотрят не дежурные медсестры на больных, а любящие жены на мужей, которым что-то не по себе и давит слева.

То есть просто сразу, ну, почти сразу все и случилось.

А с соседней кровати с приятной иронической усмешкой смотрел на Сергея Григорьевича бывший бомж, а ныне чисто вымытый больной второго кардиологического отделения градской больницы № 5 полковник ФСБ Петр Иванович Михайлов.

– Ну, – сказал полковник, – будем вместе симулировать и продолжим разговор?

Медсестра немедленно вышла.

Глава шестая

Кругом кровавая гэбня

– Думаю, что продолжим, – сам себе ответил полковник, – поскольку у нас обоих диагностирована ишемическая болезнь сердца, приступы сейчас купируют, однако потребуется лечение по крайней мере в течение двух недель... К слову: за вас-то кто платит? Я, как не имеющий определенного места жительства и безработный, нахожусь здесь иждивением города, а вы? Неужто институт страховку дает? Шикарно по нынешним временам...

Сергей Григорьевич хотел было лечь на бок, чтобы было удобней говорить, но тут заметил, что медсестра, не похожая на Ольгу, успела, прежде чем исчезнуть, поставить ему капельницу. В области локтевого сгиба правой руки двумя полосками лейкопластыря была зафиксирована введенная в вену иголка, так что лежать он теперь мог только на спине, повернув в сторону собеседника голову.

– Простите... Петр Иванович? – Сергей Григорьевич удивился, что вспомнил это имя-отчество. – Простите, мы ведь успели только начать разговор... то есть вы начали... Так о чем, собственно, речь? И чем я могу быть интересен вашей... э-э-э... организации, так сказать? Ко мне даже в прежние времена у вас вопросов не было...

– В прежние, как вы выражаетесь, времена и быть не могло, – перебил полковник. – Во-первых, в прежние времена нашей организации не существовало, а к тем, кого вы, как и многие, считаете нашими предшественниками, мы никакого отношения не имеем...

Лежать с повернутой почти на девяносто градусов влево головой было неудобно, быстро затекла шея. Сергей Григорьевич с некоторым усилием вернул голову в нормальное положение, так что теперь видел только белый потолок. Потолок был далеко вверху, вероятно, больница располагалась в старом здании, в новых таких высоких потолков не бывает.

Полковник Михайлов тоже лежал на спине, тоже глядя в потолок, с иглой капельницы в вене – только левой руки.

И вдвоем они представляли собой симметричную картину – два старика, беседующие с белыми, крашенными водоэмульсионной краской небесами.

А две капельницы, словно почетный караул, стояли по бокам.

– Во-вторых, – продолжал полковник Михайлов, – у нас и сейчас к вам вопросов нет и неинтересны вы нам. То есть не вы нам интересны, а наоборот, мы вам должны быть...

– Чем же это?! – тут уж перебил соседа Сергей Григорьевич. – Мне, знаете ли, поздно в авантюры лезть, такими организациями интересоваться... Вы и так везде, всю власть забрали и продолжаете забирать...

Из последних, не совсем внятных слов стало понятно, что профессор Кузнецов не чужд был чтению некоторых либерального направления газет. Однако полковника Михайлова это нисколько не смутило.

– Ничуть не поздно, – живо возразил полковник. – Мы с вами ровесники, да и вообще... Вы не заметили разве, что мы похожи и даже говорим одинаково, как никто уж теперь не говорит? И в какие «такие» организации? Вы разве поинтересовались, в какой именно организации я служу? Аббревиатуру углядели, да и ту поняли неправильно. Всюду вам гэбэ мерещится, просто паранойя...

– А как же правильно название вашей славной конторы понимать? – с отважным ехидством тяжелобольного спросил Кузнецов. – Финансовый совет благотворителей?

– Вы меня, Сергей Григорьевич, не обидите, меня кто только ни пытался обидеть, – Михайлов громко рассмеялся. – И ни у кого не получилось. Потому что я не развлекаю публику за гонорар, как малопочтенное художественное сословие, и не удовлетворяю собственное любопытство за казенный счет, как ваш брат-ученый. Вот вас, таких, обидеть легко. А

я служу, мне за себя не обидно, а исключительно за державу, как сказано в нашем любимом фильме. Служба – она знаете у кого? Только у священников и офицеров, у прочих же – работа, проклятие Гос-подне.

Кузнецов уже пришел в состояние абсолютно бесстрашное, а последняя ссылка на Бога его просто взбесила – в силу определенных перемен, которые произошли с ним за последние лет пятнадцать.

– И чему же вы служите, господин офицер? – спросил он, чувствуя, что бешенство овладевает им, давит изнутри на грудь. – Родине, как вы сказали? Родине, что ли, нужны доносы и слезка, придуманные шпионы и вредители?!

– Старых книг начитались, Сергей Григорьевич, – отсмеявшись, спокойно ответил Михайлов. – Какие доносы, какие вредители? Вы, простите, из ума выжили, что ли? Двадцать первое столетие полным ходом идет, вы на сто лет отстали... А ФСБ – это Федеральный Союз Бессмертных, если хотите знать. И вам теперь узнать это – самое время, мне кажется. Вы уже переходите в наше ведение...

Кузнецов все сильнее задыхался от ненависти. Было чувство, что грудь сейчас лопнет, проломленная изнутри.

Полковник Михайлов вырвал иглу из своей вены, встал с кровати и, сильно сгибая руку в локте, зажимая прокол, подошел в кровати Кузнецова.

– Ваша жизнь продолжится бесконечно, Сергей Григорьевич, – сказал он. – И изменится в лучшую сторону. Вы умрете для всех ныне живущих, но это не должно вас огорчать слишком сильно – ведь вам никто не дорог по-настоящему. А на самом деле вы станете бессмертным. Одним из нас – бессмертных и служащих бессмертию.

С этими словами он вырвал иглу и из вены Кузнецова.

В эту же секунду открылась дверь палаты и вбежала медсестра, похожая на жену Сергея Григорьевича, если бы он женился удачно, а не на Ольге.

– Вы что же творите, больной?! – закричала она на Михайлова, и тот мгновенно оказался в своей постели. – Напишу на вас докладную заведению, живо пойдете на выписку!

Она склонилась к Кузнецову и, быстро налаживая капельницу, прошептала: «Не волнуйся, миленький, тебе нельзя волноваться... успокойся, миленький...»

Тут Кузнецов разглядел наконец, что это не новая жена его, которая не похожа на старую, Ольгу, а просто медсестра, посторонняя женщина.

Очень, следует признать, симпатичная женщина.

– Он сказал, что я умру, – по секрету сообщил Сергей Григорьевич медсестре на ухо. – Умру и потому стану бессмертным... Так я понял... Он не божж, он полковник... А что говорит врач?

– Спите, больной, – так же тихо ответила медсестра. – Какой еще полковник? Тут никого нет, мы к вам пока второго не подсеяли...

С тем она и ушла.

А Сергей Григорьевич Кузнецов огляделся и увидел, что он лежит в двухместной палате, но вторая кровать чисто застелена, банка его капельницы наполовину пуста, а потолок покрашен белой водоэмульсионной краской и очень высок.

Он напряг зрение, чтобы разглядеть какую-то тень, скользнувшую в вышине, но не разглядел, прикрыл глаза и уснул.

Во сне он принялся подводить итоги. Во-первых, потому что слова насчет смерти и бессмертия все же произвели на него впечатление, а перед смертью, как он знал, принято подводить итоги, чтобы вся жизнь промелькнула перед глазами, как говорится. Во-вторых, он вообще привык подводить итоги дня, недели, месяца и так далее – его логический, аналитический склад ума и образование требовали систематизации всего, а что есть итоги, как не систематизация жизненных событий?

Итак, думал во сне Кузнецов, какие параметры жизни мы имеем перед ее окончанием – или даже после этого окончания по гипотезе полковника Михайлова? Что главное?

Глава седьмая

Первая попытка подведения Кузнецовым С.Г., пациентом второй кардиологии Градской больницы № 5, жизненных итогов

Первым пунктом шли рождение и раннее детство в гнилом бараке.

Это начало биографии следовало бы, по прямолинейной логике, оценивать как неудачу, как потерю времени на старте, но Сергею Григорьевичу, одаренному аналитику, прямолинейная логика была несвойственна и наяву, а уж во сне тем более. Любой объект исследования, предмет или событие, профессор Кузнецов рассматривал с учетом максимального количества факторов, что и позволило создать его знаменитый метод расчета рамных конструкций, так и названный – «многофакторный метод Кузнецова». Впоследствии метод был развит автором до «теории расчета конструкций рамного типа с учетом факторов, количество которых конечно» и под этим названием строго засекречен и поощрен Государственной премией (закрытая часть списка лауреатов).

Именно такой метод анализа событий его жизни утвердил Сергея Григорьевича в том, что и сам барак, и непобедимый долгие годы барачный запах, и даже прозвище «гегемон» были положительными проявлениями судьбы.

Впрочем, судьбу с некоторых пор профессор называл просто Богом, чему никак не мешал научный, рациональный склад ума и глубокое знание всех дисциплин цикла теории упругости. Вот один известный ученый когда-то заявил, что он в гипотезе существования Бога не нуждается, а профессор Кузнецов С.Г. примерно годам к пятидесяти жизни и двадцати пяти научной деятельности стал нуждаться. Потому что никак картина мира и даже взятой узко прочности материалов и конструкций не завершалась в его представлениях без введения такого понятия, как Создатель, а иначе простейший вопрос «почему?» в любой момент все разрушал.

Так вот, барачное свое происхождение в упрощенной схеме жизни – а для любого исследования, хоть миллион факторов учти, схема берется всегда упрощенная, наука вообще имеет дело с упрощенными схемами, а неупрощенной жизнью занимается искусство – Кузнецов обозначал словом «рогатка». Подобно многим людям сухих научных занятий, Сергей Григорьевич любил давать всему названия, казавшиеся ему удачно метафорическими...

«Рогатка» вот почему: он считал, что нищее, убогое начало жизни как бы натягивает, напрягает все возможности, заложенные в человеке, и потом выстреливает этого человека в общество, которое таким, выстреленным, пронизывается сразу доверху, до верхних разреженных слоев. А ответ на вопрос, до каких именно высот взлетает посланный, зависит от упомянутых возможностей и соотношения этих возможностей со степенью их предварительной натянутости... Словесное изложение получается невнятным, но в терминах теории упругости и формулах профессор Кузнецов мог бы сформулировать вполне прозрачно – просто руки не доходили.

Итак, «рогатка» выстрелила, и выстрел дал результат, в связи с чем можно было переходить к пункту второму итогов биографии: к отрочеству и юности, отмеченным целеустремленным и успешным началом научной деятельности. Тут все было абсолютно ясно, так как картина ничем не затуманивалась и не усложнялась ввиду полной поглощенности героя прямолинейным движением.

Сложности начинались при переходе к пункту третьему – к перерождению юного ученого и превращению его в равнодушного служащего при академической науке, с подлинными интересами вздорными и пустыми вроде КВНа и тому подобного. Объяснению

эта метаморфоза не поддавалась никакому, кроме единственного: Господь исправлял свою ошибку. Первоначальные возможности Он дал недостойному и счел справедливым замедлить вертикальный взлет, превратить его в плавный и скучный набор карьерной высоты. Пьянство и женщины, странная, будто во сне, женитьба и прочие общеизвестные способы одолеть даже самые благоприятные обстоятельства, разрушить даже самую прозрачную перспективу стали тормозить движение, а после и вовсе превратили его в почти горизонтальный крейсерский полет. Среди названного наиболее сильными были второй и третий способы самоубийства, которые вместе и составили еще один, ужаснейший итог жизни: неизведанность любви. Но об этой моральной и биографической патологии личности Сергея Григорьевича Кузнецова следует беседовать отдельно, а теперь сосредоточимся исключительно на несчастливом браке.

На этом месте и прежде размышления Сергея Григорьевича Кузнецова о прошедшей жизни всегда прерывались, начинали сбиваться, как-то бурлить и в конце концов переходить просто в плохое настроение. И во сне произошло то же самое, от чего он сразу проснулся.

Он был в палате по-прежнему один. Капельница, видимо, исчерпалась – во всяком случае, иголки в его руке не было, а стойка с бутылкой, укрепленной вниз горлышком, исчезла.

Настроение испортилось еще во сне и теперь ничего не оставалось, как продолжить раздумья о неприятном.

История взаимоотношений Кузнецова с женщинами на поверхностный взгляд была не слишком оригинальна: он был долго и несчастливо женат, при этом имел любовниц, иногда одновременно двух и даже трех, бывали и мгновенные случайные связи... И черт его знает, чего только не бывало. Однако, в отличие от многих, он в разгар этой своей активной деятельности иногда вдруг задумывался – что же это?! Зачем? И это вот любовь? Вряд ли... Он вспоминал свое детство-«рогатку», когда ко всему, что связано с так называемой любовью, он испытывал доходившее до тошноты отвращение, и признавал, что был тогда прав. Теперь на собственном опыте он убедился, что в так называемой любви есть много барачного, гнилого, осклизлого, причем не только в физических проявлениях, но и в душевных. Однако, увы, отвращение ушло вместе с детством и ранней молодостью и сменилось бешеным, неудержимым интересом, неутолимой жадой.

В конце концов он понял, что происходит: именно неутолимость жажды и доказывала, что никакого множества женщин он не знает, а знает одну только Ольгу, всегда молчавшую, холодную и еще более безразличную ко всем, кроме себя, чем он. Долгая совместная жизнь двух очень разных людей, но одинаково равнодушных друг к другу и ко всем окружающим привела к разным результатам. В ней зародилась, выросла и пожрала всю несчастную женщину тихая, непоколебимая ненависть; в нем же не стало вообще никаких чувств, даже ненависти, – он просто перестал чувствовать, а только ощущал.

Не развелись они потому, что Ольга боялась остаться без объекта ненависти и, прямо скажем, без источника средств. На его доцентские, а потом профессорские заработки жил весь дом: она сама, сделавшая карьеру лишь до младшего научного, и двое ее родителей-пенсионеров, в новые времена уже открыто, поскольку не запрещалось, гордившихся своим благородством и на Сергея смотревших с выражением холодного недоумения. Вероятно, они сильнее других чувствовали все никак не выветривавшийся из него барачный дух. А он со своей стороны как-то не решался оставить этих высокомерных людей их судьбе, не мог собраться с силами все изломать и забыть, перестать ужинать в неприязненном молчании, перестать чувствовать наплывающую со стороны Ольги ненависть, перестать обманывать ее, в конце концов.

Главное же – он никак не хотел уйти ни к кому из многочисленных и утверждавших, что любят его, женщин. На мгновение он поддавался, верил, уже секунда оставалась до бес-

поворотного решения, уже собирался вечером все сказать жене и уйти – но приглядывался к возлюбленной и с ужасом обнаруживал и в ней Ольгу... И остывал к ней мгновенно.

Так и жили – десять лет, двадцать... И у всех женщин было лицо Ольги. И лицо это делалось все более равнодушным и чужим, но другого лица не было нигде и ни у кого.

Наконец он с этим примирился – другой женщины, кроме Ольги, не будет, хоть все человечество перебери. И тут же все исчезло, тяга и жажда иссякли, он вообще потерял к женщинам интерес и удивлялся, что они интерес к нему сохранили, искренне удивлялся. Какой интерес? К чему в нем? Кой чёрт?! Если нет безумной, безрассудной любви и нет прямого расчета, как у Ольги, то на что он им? Чего они в нем ищут?..

Тут же и произошло еще одно событие, столь же непредсказуемое еще за месяц, как за год до того было непредсказуемо наступление его любовного бессилия: Ольга ушла.

К этому времени Георгий Алексеевич и Варвара Артемьевна уже давно померли в один месяц, оставив дочери неожиданное наследство. Советская власть, которой они всю жизнь боялись, померла еще раньше них, а при свободе нашлись у Шаповаловых родственники за границей, вот что. Кто бы мог подумать, что такое можно было скрывать от первого отдела! А вот поди ж ты, скрывали...

Варвара Артемьевна, преодолев так и не изжитый до конца страх, открыла стране и миру существование кузена в парижском пригороде, где вообще было много русских первой эмигрантской волны, их детей и внуков. Там старший двоюродный брат подмосковной домохозяйки служил по родовой традиции священником в местной православной церкви, на вид ничем не отличающейся от окружающих французских обывательских домиков, только возвышался над крышей маленький, не сразу даже заметный купол с православным крестом. Прихожан в храме было человек восемь-десять, все такие дряхлые старики, которым непосильно сесть в электричку, доехать до вокзала Сен-Лазар и пройти минут за пятнадцать-двадцать неуверенным стариковским шагом на рю Дарю, где стоит огромный и торжественный собор Александра Невского. Вот для этих немощных отец Василий Гарт и служил трижды в неделю, по средам, пятницам и воскресеньям. Семьи у него не было – бездетная матушка, в девичестве Голицына, умерла молодой, и отец Василий вдовствовал и готовился вскоре отправиться по той же дороге, по которой ушла не забытая еще супруга.

С ним установилась у старших Шаповаловых регулярная переписка, а иногда случались и телефонные переговоры. Французский брат предварительно предупреждал в письме недели за три: «Буду телефонировать такого-то и во столько-то по вашему времени...» – и точно в назначенный час в трубке раздавался его приятный, по каким-то непонятным признакам очевидно не советский голос...

Старики Шаповаловы долго собирались поехать, повидаться с родственником, который настойчиво, каждые полгода присылал как следует оформленные в префектуре приглашения, да так и не собрались. Само понятие «заграница» вызывало у них почти суеверный ужас. Георгий Алексеевич, заслышав звонок из Франции, уходил в другую комнату – если спросят, он ничего не слышал, а Варвара Артемьевна, в конце концов, подписку насчет контактов с иностранцами не давала, безответственное лицо – пусть она говорит... Да и денег такая поездка потребовала бы немалых, которых у стариков, конечно, не было, поскольку все накопления исчезли вслед за властью, которую они вечно ненавидели и боялись. А у зятя просить не хотели, он же как-то не соображал предложить.

При этом жили они в квартире, которая формально принадлежала Сергею: избу их снесли, когда строили при институте олимпийский стадион в конце семидесятых, и на четверых дали трехкомнатную квартиру в Москве. Учли ветеранский статус Георгия Алексеевича, но прежде всего, конечно, большую научную и особенно общественную работу Кузнецова – уже доктора и профессора, а также заместителя председателя совета Дома ученых и депутата городской думы от демократов. Он же и стал ответственным квартиросъемщиком.

С этим старики в конце концов примирились, но не до конца, деньги же у зятя просить категорически не желали и одну целую пенсию – Георгия Алексеевича – вкладывали в хозяйство, чтобы не быть нахлебниками, только вторую, Варвары Артемьевны, совсем маленькую, по старости, оставляли на свои небольшие нужды – большею частью на свечи в восстановленном и открытом для служб храме Благовещения, в котором раньше был институтский студенческий клуб, где юный Сергей когда-то провел немало веселого времени...

К слову, это удалое веселье в оскверненном храме Сергей Григорьевич числил теперь среди самых постыдных моментов своей биографии – каких и без того насчитывал немало. Чего ж не стыдиться, когда сил на один только стыд и осталось.

В общем, поехала к двоюродному дядьке в гости Ольга. Взяла большой отпуск за свой счет – младшего научного отпустили с удовольствием, всё одним сотрудником, ждущим по четыре месяца зарплаты, меньше – и поехала. Купила в круглосуточном ларьке две разрешенных баночки сомнительной икры и бутылку водки, съездила, учитывая профессию родственника, в Троице-Сергиеву лавру и там купила картонную иконку с ликом святителя Василия Великого, терпеливо собрала все визы, взяла билет в прямой парижский вагон через Бельгию, много дешевле, чем на самолет, – и всё.

Деньги охотно – но по просьбе, а не по своей инициативе – дал Сергей Григорьевич. Он как бы испытывал перед женою чувство вины – не за обычные свои похождения, а за то, что в последние годы много ездил за границу, а Ольга все сидела в своем отраслевом институте на нищенской зарплате, да и ту получала раз в полгода и ничего хорошего не видела. Получалось, что Сергей Григорьевич ее, как и стариков Шаповаловых, просто кормил на те деньги, которые в новые времена начал зарабатывать лекциями в Берлине и Милане, Глазго и прочих валютных местах. Валюта и помогала существовать семейству, не испытывая того, что испытывали тогда многие подобные семьи, – голода. И Кузнецов считал, что этого достаточно, семью он тащит, а об удовольствиях в такое время думать не приходится. Что не мешало ему прогуливать за вечер полсотни-сотню долларов, невероятные тогда деньги, в каком-нибудь кооперативном заведении. С очередной аспиранточкой – не перевелись и теперь... В конце концов, это были его деньги, честно заработанные благодаря мировой известности расчетных методик Кузнецова. Как эти сугубо секретные методики приобрели мировую известность, он и сам не понимал, однако когда звонили из очередного европейского или даже американского университета, не отказывался – да, тот самый, профессор Кузнецов, да, при конечном количестве факторов...

Впрочем, когда жена попросила на поездку, дал сразу же и с запасом, прямо все доллары, которые еще не обменял после возвращения из Массачусетского технологического. Пусть съездит, в конце концов, и ей должно что-то достаться.

А собака Белка – названная так не в честь покорительницы космоса, а по масти, дочка тех «болонок», которые когда-то, бесцеремонно стуча когтями, входили по ночам в супружескую спальню молодых Кузнецовых, – собака оставалась на попечении Сергея Григорьевича, что существенно стесняло его свободу. Но собаку он любил, гулял с нею вовремя и кормил отбивными из кулинарии и неведомо откуда появившимся импортным собачьим кормом с каким-то двусмысленным названием.

Так началось то, что через десять быстро прошедших лет кончилось всем описанным выше:

приездом скорой в большую пустую – бедная Белка давно померла – квартиру, где лежал в постели одинокий старик,

госпитализацией его в Пятой градской больнице, в кардиологической реанимации и его воспоминаниями о миновавшей жизни, которым он предавался в полусне.

...Ольга провела во Франции два месяца, вернулась, уволилась из своего уже полностью заглохшего института и сразу же нашла себе странное занятие – из тех, которые недавно

появились: сводила людей по объявлениям в газетах. Например, один хочет продать платяной шкаф из югославского спального гарнитура, в хорошем состоянии, а другой ищет шкаф платяной, импортный, недорого – надо обнаружить их объявления, позвонить обоим и получить свои три процента с суммы сделки – по полтора с каждого. Аккуратность многолетней лаборантки и привычка к систематической работе младшего научного обеспечили ей успех в новой профессии, а надобность в таком посреднике не иссякала по крайней мере лет пять-семь, пока люди не думали о покупках в магазинах, ставших одновременно шикарными и недоступными, а предавались почти натуральному обмену...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.